

Наталья Медведская

Незабудка

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Медведская Н. Б.

Незабудка / Н. Б. Медведская — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Таня Васильева согласилась сыграть в любовь, но цена за игру оказалась слишком высокой. Судьба подарила ей редкий драгоценный дар – настоящее чувство. Потом не поспешила на долгую разлуку. Тане не удастся забыть эту любовь. С ней происходит нечто странное: чужие города кажутся знакомыми, места, где она никогда не была, узнаваемы, а их запахи и звуки будоражат и навевают воспоминания. Где на самом деле во время сна встречаются Таня и Сашка? Удастся ли им разгадать эту тайну и увидеться наяву?

© Медведская Н. Б., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	18
ГЛАВА 6	21
ГЛАВА 7	29
ГЛАВА 8	36
ГЛАВА 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

ГЛАВА 1

Сентябрь 1988 г

Солнечный зайчик странного цвета прыгал со стены на стол, со стола на потолок. Таня оглянулась. В глаза блеснул синий луч. Успела разглядеть, что стекло у зеркала вымазано синей пастой, заметила смеющееся лицо Сашки. Улыбнулась и погрозила ему кулаком. Тут же почувствовала: сердце забилось чаще, щеки охватило жаром. Голос преподавателя доносился как из тумана. Попыталась сосредоточиться на том, что говорил учитель.

Вот уже месяц, как она и Лукьянов заключили необычный договор. Однажды вечером к дому Васильевых подъехал мотоцикл. Двое парней вызвали Таню на улицу. Каково же было удивление, когда она увидела Сашку и его лучшего друга Сергея. Лукьянов с седьмого класса нравился Тане, но он никогда не обращал на неё внимания и не знал её отношения к нему. Другими они тоже не стали, да и жили далеко друг от друга.

«Интересно, что привело ребят к моему дому?» – подумала она.

– Привет.

– Привет, Танюш. У нас к тебе срочное дело, нужна твоя помощь. Выслушай сначала, не отказывайся сразу, – обратился к ней Сергей.

Лукьянов, молча, кивнул. Ему явно было не по себе. Он старался не смотреть на собеседницу, его смущённый и одновременно сердитый взгляд всё время ускользал в сторону. На скулах атели пятна румянца.

Таня насторожилась.

– Говори, а уж я решу.

– Серега, твоя затея глупая, я только что это понял. – Повернувшись к растерянной однокласснице, добавил: – Извини, мы сейчас уедем. – Он надел шлем и завёл мотоцикл.

– Ничего не глупая, а гениальная. Я знаю женщин. Лариса проглотит наживку. – Сергей обеими руками схватил руль мотоцикла, останавливая друга.

– Интересно, откуда познания? – улыбнулась Таня.

– Личный опыт, – хмыкнул Сергей. – Выслушай, Васильева, будь человеком. Ты, наверное, знаешь, что Сашка интересуется одной особой в вашем классе?

– Это все знают, – усмехнулась она. Ей ли не знать! Сколько досады и боли испытала, наблюдая ухаживания Лукьянова за Ларисой.

– Пока у него ничего не выходит. Ледовская крутит, вертит им. – Он покосился на друга. – Ни да, ни нет. К ноге, пошел вон!

– Ну, ты, не очень-то! – Сашка слез с мотоцикла и попытался дать Сергею подзатыльник. Тот увернулся смеясь.

– Хорошо, хорошо... успокойся! Я тебе эту Ларису на блюдечке с голубой каемочкой... как обещал. Тут особый подход нужен.

– То есть, по-русски говоря, Александр, не равнодушен к Ледовской и хочет добиться её внимания по-другому, но я-то тут причем? – поинтересовалась Таня.

Сергей схватил её за руку и крепко пожал.

– Какая ты умница! В самую точку. Сразу ухватила суть. С тобой приятно иметь дело. – Он отвесил шутовской поклон, громко чмокнул, делая вид, что целует Танины пальцы. – Идея такая: Саня для вида, но очень убедительно заводит дружбу с тобой. Красиво, на зависть всем, как у Ромео и Джулии. А Лариса...

– Ну, ну, – перебила она его вдохновенную речь.

– А Лариса ещё та змея... – не смущаясь, продолжил он.

– Получишь в лоб, – пригрозил Лукьянов.

Таня покосилась на Сашку. Его высокие скулы вовсю полыхали румянцем.

– Спокойно, Саня. – Сергей изобразил испуг. – Повторяю, Лариса сразу клюнет и попытается всеми способами вернуть бывшего воздыхателя. – Он закатил глаза, делая вид, что не замечает недовольства на лице друга. – У неё с детского сада конфету нельзя было забрать, а делиться она, ох, как не любит. А тут поклонника отбили. Все знали, как он её обожал...

Отчего-то Сашке до ужаса стало неловко, хотя до этого разговора, он полностью одобрял идею друга.

– Прекрати.

– Она всех своих воздыхателей возле себя держит. И не нужны они, а выбросить жалко. С подружками поделиться жадность не позволяет. Гарантирую: её псих накроет, когда она вас вдвоём увидит.

Лукьянов чувствовал, как горит лицо, и был готов провалиться сквозь землю.

Сергей прижал обе ладони к груди.

– Саня, она сама предложит тебе руку и сердце! – закончил он торжественную речь. И совсем тихо пробормотал: – Если конечно у неё есть сердце. Никогда не мог понять, что ты в ней нашёл?

– Я не хочу в этом участвовать, – разозлилась Таня, догадываясь в какую глупую авантюру хотят втянуть ребята. Мельком глянула на Сашку. Ожидала, что тот скажет: «Ну и ладно. Нет, так нет».

Но он удивил. Взял за руку, пристально посмотрел своими сумасшедше-синими глазами и попросил:

– Что тебе стоит? Месяц, два, сыграем в любовь, а потом будто поссоримся. И всё – ты свободна! – Лукьянов не понимал себя. Минуту назад он собирался отказаться от затеи, но произнёс совсем другие слова. Будто кто-то внутри него всё решил по-другому.

Таня вырвала руку. Горло сжало от обиды.

– Что стоит? В это не играют!

Сергей посмотрел на неё с подозрением. Неожиданная мысль о тайной симпатии Васильевой к другу запала ему в голову.

– Танюх, ты чего? Тебя помочь просят.

– А почему я? Девчонок много, может, другая согласится.

– Ты самая подходящая кандидатура. Это я предложил выбрать тебя, – пояснил Лукьянов и озадачился: «А ведь точно, никто кроме Тани не пришёл мне в голову».

Ей стало интересно.

– В каком смысле?

Сергей рассматривал девушку, будто увидел впервые. «А она необычная... и красивая. Глаза странные, вытянутые к вискам. Кого-то она мне напоминает...»

– Ты не такая как все. Вроде не выросла ещё, в детстве... – смущённо пробормотал Сашка.

– Ну, спасибо, – обиделась Таня и дёрнула плечом.

– Да нет же, я не это имел в виду, – попытался объяснить Лукьянов. – Все девчонки уже дружат, гуляют с парнями. А ты... Кто сунется к тебе, так отвечаешь, что больше не захочется подойти. Всё язвись, высмеиваешь.

Таня фыркнула.

– Понятно, отстала в развитии. И по причине моей дремучести ты меня выбрал, что бы у всех глаза на лоб полезли. Ни с кем и вдруг с Лукьяновым!

Сашка покосился на возмущённую одноклассницу и крепче сжал руль мотоцикла.

– Ты меня неправильно поняла. С другой девушкой не получится красиво дружить – это будет обычное времяпрепровождение. Никого не убедишь, а главное Лариса не поверит. С тобой же просто гулять нельзя, все так считают. Только по-настоящему.

Лицо Тани сделалось грустным и озадаченным одновременно.

– Ясно, всё для того, чтобы Ледовскую убедить.

Разговор начал надоедать. Настроение испортилось, почему-то захотелось плакать или накричать на кого-нибудь.

– Ну наконец-то, – вздохнул Сергей облегчённо.

Сашка заволновался:

– Так ты согласна?

– Ну, если ты так её любишь, надо помочь твоему горю, – неожиданно для самой себя ответила она и подумала: «Что это со мной? Сдурела окончательно, согласившись участвовать в этом идиотском спектакле».

– Здорово! Только надо так сыграть, чтобы Лариса поверила! – обрадовался Сашка, ощущая странный раздрай в чувствах.

С того вечера прошел месяц. Одноклассники, преодолев первое изумление, стали считать их парой. Вечерами, если Лукьянов не находился на тренировке в секции по самбо, они гуляли по улицам или шли в кино. Притворство Сашки было мукой для Тани: ведь для неё их отношения – не игра. Она приняла условия договора только затем, чтобы хоть на время побыть его девушкой. Но если бы знала, что предстоит выдержать, не согласилась бы. Лукьянова волновало одно: куда смотрит Лариса? Как она себя ведёт? Если Ледовская наблюдала за ними, он становился нежным, ласковым и внимательным. Ей хотелось убить его за это. Душевную боль становилось всё труднее и труднее терпеть. С Таней творилось что-то невообразимое: она не могла без Лукьянова жить, дышать. Если Сашка не присутствовал на уроке, всё казалось скучным, неинтересным, пустым. Когда их никто не видел, он становился самим собой: остроумным, весёлым, хорошим собеседником без всякого актерства. Его немного колючие рассказы всегда оказывались сдобрены юмором. От природы Лукьянову досталось редкое качество: находить смешное в повседневности и судить об этом с юмором. Таня замечала, что украдкой им любит. Ей нравилось в нем всё: спортивное телосложение, твёрдый подбородок, высокие, резкие скулы, чётко очерченные губы. Но самое замечательное в лице Сашки – это глаза, меняющие цвет. Они становились то зелёными под цвет его свитера, то ярко-синими, как рубашка. Если глаза вдруг бледнели до стального оттенка, это означало: он злится. На его правой щеке располагалась ямочка. Хотелось дотронуться до неё. Она мечтала взъерошить его пушистые светло-русые волосы. Боялась, что однажды не удержится и коснется их. Без Сашки для неё не было полноты жизни, одна ущербность. Таню томила и пугала сильная тяга к нему. Она ходила, дышала, спала, но всё это было второстепенным. Главное – он! Возможность видеть, быть рядом. Раньше Лукьянов нравился ей потаённо, тихо. В глубине души пряталось светлое, радостно-мучительное чувство, столько времени сдерживаемое оно прорвалось и нахлынуло на неё лавиной. Таня изо всех сил пыталась скрыть свою любовь. Со страхом ждала: скоро их игра закончится. Придется снова сидеть в одиночестве на лавочке, мечтая о нем. Только одна мысль, что больше не будет бродить с ним по вечерним улицам, слушать его истории, держась за руки, приводила в отчаяние. Когда он в первый раз взял её руку, их потрянуло током.

«Синтетика, будь она не ладна», – засмеялся Сашка.

«Притяжение», – подумала она.

Лариса, как и предсказал Сергей, сначала с удивлением наблюдала за ними, потом стала относиться к сопернице с ревливой неприязнью. Ледовская применила все уловки, чтобы вернуть бывшего поклонника. Лукьянов всё замечал, но делал вид: она его прошлое. Иногда Тане казалось: он играет обеими, наслаждаясь сложившейся ситуацией. Иначе как объяснить его

странное поведение? Цель достигнута – уходи к Ледовской. А он, как привязанный, по-прежнему рядом с ней.

ГЛАВА 2

Александр проснулся рано. За окном чуть забрезжил рассвет. Он лежал, закрыв глаза, боялся испугнуть ощущение неведомого раньше тихого покоя и счастья. Ему приснилась Таня. Во сне они шли, держась за руки, по огромному полю, усеянному васильками и маками. Она что-то говорила ему. Улыбка скользила по нежным губам девушки. Присели отдохнуть. Пшеница с васильками оказалась огромной почти до неба. Колосья, как деревья, качались над головой. Яркие шапки цветов величиной с подсолнух склонились над ними. Застывший воздух жаркий и тягучий пропах созревающим зерном. Ослепительное солнце сияло сквозь синие лепестки цветов. Его блики бегали по лицу Тани, и оно светилось.

«Ты, мой Василёк», – шептал он. И так радостно было на душе! Так явственно распирало от счастья грудь. Ему хотелось петь, кричать. Проснувшись, Сашка обнаружил: сердце бешено колотилось. Не верилось, что это был лишь сон.

Раньше ему Таня не снилась. Теперь же стал часто о ней думать, напрочь забывая Ларису. Чем ближе узнавал, тем больше понимал: они совершенно разные. Пытаясь разобраться, задавал Тане те же вопросы, что и Ледовской. Хотел знать, что она ответит? Как поведет себя в той или иной ситуации? Изучал Таню и заметил: его отношение изменилось. Осознал: его тянет к ней. Всё время хочется быть рядом, слышать голос, видеть её лицо, чувствуя волнение в крови. Много раз Лукьянов собирался поцеловать Таню, еле сдерживался. А ведь вначале он действительно просто так приходил. Мечтал о Ларисе, а стал думать и ждать встречи с Таней. Это удивило и даже разозлило, но он ничего не мог с собой поделать. За какой-то месяц одна девушка, полностью вытеснила из его сердца другую.

«Тряпка, – сердился на себя Лукьянов, – ну и что мне теперь делать? Как выпутаться из этого положения? Вдруг Васильева не захочет по-настоящему быть со мной? Что если я ей безразличен?»

Впервые трусил признаться девушке в своих чувствах. Боялся потерять её и запутывался ещё больше. Где-то в глубине души догадывался: Таня тоже равнодушна к нему. Помнил её смущение, редкие, обжигающие взгляды. Не мог понять: почему раньше не обращал на неё внимания?

Сашка сомневался: «Кто разберет этих девчонок. Вдруг она уйдет, едва признаюсь, что хочу быть с ней... – Трусил принять решение: – А-а-а, как-нибудь всё утрясется. Буду надеяться на случай».

ГЛАВА 3

Десятый «А» не был дружным классом, он весь состоял из группок. Шесть девочек под предводительством Ларисы относили себя к «высшему обществу». Они редко снисходили до других учениц. Одни казались им слишком заумными, другие – скучными и глупыми, третьи – некрасивыми. Мальчики тоже разделились на группы: маменькины сынки, изгой и все остальные. Таня не попадала ни в какую группу, общалась со всеми, но близко не дружила ни с кем. По своему характеру она просто не могла быть никому задушевной подружкой, такой, какие бывают только в юности. С Женей Болотиной они жили рядом, вместе играли, но так и не стали близки по духу. С Васильевой общались все одноклассницы из «высшего общества», но не признавали за свою, ведь она «водилась» и с другими девочками, которых они презирали. Бедная Женька всерьёз страдала от «неправильного» поведения подруги. Болотина мечтала попасть в кружок школьных красавиц. А Тане не нравилось это разделение, она специально не примыкала ни к одной из групп. Внутреннюю жизнь класса не замечали учителя. Было смешно, когда ученицу из «низшего общества» ставили в пример ученице из «высшего».

«Может, выкинут из головы своё мнимое превосходство», – хмыкала Таня.

Начало октября. Впереди целый учебный год, но десятый «А» грустно встречал школьные торжества. Словно какой-то колокольчик отзванивал: для них всё в последний раз. Второго октября школа отмечала День выпускника. Приезжали бывшие ученики. В актовом зале с утра гремела музыка. Коридоры, классы, холл украшались цветами, шарами, гирляндами флагами. В этот день школа напоминала большой муравейник: столько народу толпилось в ней. Обычно празднества начинались с награды победителей разных конкурсов, олимпиад, состязаний, проводившихся летом в спортивно-трудовом лагере. Ребята работали и отдыхали в нём целое лето. В октябре подводились итоги, зачитывались телеграммы, приветствия от тех, кто не смог приехать. В десять часов начиналась концертная программа: выступал школьный хор, танцевальный ансамбль, драмкружок показывал смешные сценки. После часа дня в каждом классе устраивалось чаепитие, принимали гостей – бывших учеников школы. Слушали их рассказы о различных профессиях. Выпускники подсказывали, куда лучше поступать, где выгоднее или интереснее работать. Праздник продолжался до вечера. В восемнадцать часов из актового зала убирались стулья, и начиналась дискотека.

В этом празднике сливалось столько всего трогательно-торжественного, искреннего, радостного и печального одновременно. Смех малышей первоклашек смешивался с серьезными голосами взрослых. Дурашливость подростков со слезами радости бывших одноклассников, увидевших друг друга спустя много лет после окончания школы.

Вечером, перед праздником, в десятом «А» устанавливали столы, украшали стены. Школьники находились в приподнятом настроении. Смех, перекатываясь хрустальным шариком, вспыхивал то в одном углу класса, то в другом. Таня сердилась на себя: всем весело, а она злится. Какое ей дело до Лукьянова? Разговаривает с Ларисой, ну и что с того? Всё время, пока прихорашивали класс, Ледовская крутилась возле него. Помогала ему вешать шары, подавала нитки, ножницы. Она носилась по классу легко, весело, словно большая красивая бабочка. Успевала шутить со всеми. От её кружения становилось шумно и празднично. Таня, держалась, как могла, улыбалась, скрывая раздражение. А в душе ругала и себя, и Сашку, втянувшего её в глупый договор. Женя Болотина, подружка с детского садика, соседка по парте, подливала масла в огонь.

– Смотри, отобьёт Лариска Лукьянова. Ходит за ним, как привязанная.

Женька посмотрела на своё отражение в стеклянной дверце шкафа. Она недавно сделала мокрую химию на волосы чуть ниже плеч и ещё не привыкла к новому облику. Подруга напоминала живой шарик ртути, кругленькая, подвижная и шумная.

«Сказать бы тебе, – подумала Таня, – что со мной он понарошку, может, не капала бы мне на нервы». А вслух произнесла:

– Пусть попробует.

Глаза подруги заинтересованно заблестели.

– Ты так уверена в себе? За ней знаешь, как парни бегают. Давно ли твой Сашка следом ходил.

Но Таня разочаровала её своим спокойствием.

– Это было раньше. Давай прекратим этот разговор.

Болотина не могла простить себе, что не уловила момент, когда подруга и Лукьянов стали симпатизировать друг другу. У Женьки был один грешок – неуёмное любопытство. Она и не подозревала, что ничего не пропустила. О договоре Таня ей не рассказала. Зря сентиментальная Женька сожалела, что упустила начало романа. Любимые фильмы Болотиной – мелодрамы с хорошим концом, любимые книги – женские романы. Даже песни предпочитала о счастливой любви. Женька сердилась на скрытность подруги, у неё же душа была нараспашку.

Утром Таня проспала. Теперь спешила, бегала из кухни в спальню, на ходу хватая завтрак со стола. Сбитый во время хаотичных перемещений стул произвёл чудовищный грохот.

«Хорошо, что дом небольшой, – порадовалась она, – меньше километров намотаю.

Дом пятнадцать лет назад отец, Антон Сергеевич, построил сам, за два года, пока молодая семья жила на квартире. Строение, возведённое из белого кирпича, получилось нарядным. На фасаде расположились три высоких окна в обрамлении голубых ставень, служащих защитой от сильных зимних ветров. Он специально сделал большую светлую кухню, в ней теперь они проводили основную часть времени. Зал сделал такого же размера, как кухня, но эта комната часто пустовала. Имелись ещё две спальни, их и дочери. К дому примыкала холодная застеклённая веранда.

Таня собиралась, каждую секунду поглядывая на часы. Время приближалось к девяти, а бежать в школу почти километр. В половине десятого начинался праздник. Она суетилась так бестолково, что Анна Ивановна не выдержала:

– Успокойся, не мельтеши!

Мать лежала на диване с мокрым полотенцем на голове.

Если бы не лёгкое серебро в чёрных густых волосах матери, её можно было бы принять за девушку. Возраст Анны Ивановны приближался к тридцати восьми, но она сохранила стройную фигуру и яркие краски лица: губы не поблекли, кожа по-прежнему упруга, тёмные глаза влажно блестели. Внешне дочь пошла в неё. Таня надеялась, что к своим сорока годам будет выглядеть также.

Тошнота по утрам измучила Анну Ивановну. После рождения дочери, она долго не могла забеременеть, и вот спустя шестнадцать лет – получилось. Ещё ничего не было видно, но четырехмесячное создание в животе уже всю заявляло о себе.

«Надо бы купить косметику, – Тане захотелось подкрасить ресницы. – Они и так густые и длинные, но стали бы красивее».

Она покрутила головой, рассматривая смуглую гладкую кожу, вытянутые к вискам тёмно-карие глаза.

«И подводку пора приобрести. Одноклассницы давно потихоньку пользуются и тенями и помадой», – она вздохнула, вспоминая, что мать против использования любой косметики.

Таня быстро заплела косу

– Вы с папой придете в школу?

– Хотелось бы увидеть одноклассников, но у меня просто нет сил. К тому же папа очень занят. А ты беги – опоздаешь.

Она чмокнула мать в щеку и побежала в коридор обуваться.

– Отдыхай, ничего не делай. Я завтра постираю и уберу в доме, – крикнула дочь уже со двора.

Всю заботу о доме и хозяйстве они с отцом взяли на себя. Поздняя беременность расшатала здоровье Анны Ивановны. Давление прыгало, ноги отекали, болело сердце. Таня очень переживала за мать.

Она выскочила из дома в девять часов, всю дорогу бежала. Сашку увидела сразу, словно он стоял один, а не в окружении ребят.

«Подойти к нему или пройти мимо?» – Таня замешкалась, не зная, как поступить.

Лукьянов, заметив ее, вышел на встречу.

– Ну где ты бродишь? Там полный зал. Все собрались. Ребята уже на местах, я только тебя ждал.

И потащил через толпу, крепко держа за руку.

Ого, сколько народа! Шум. Смех. Столько радостных лиц. Многие встретились впервые после окончания школы, кто-то вытирает слезы, кто-то обнимается. Рядом три полных дамы в возрасте называли друг друга смешными школьными кличками. Слушая их, Женька зажимала руками рот, чтобы не засмеяться в голос. Тане стало легко и весело. Всю торжественную часть они сидели с Сашкой рядом, он не выпускал её руку из своей. Таня попыталась незаметно вытащить кисть из его ладони. Он засмеялся:

– А я не отпущу.

– Может, хватит? Лариса сюда не смотрит, – произнесла она сердито.

Лукьянов сразу помрачнел и выпустил ладонь.

«Ну кто тянул за язык? Зачем это сказала? Почему у меня такой вредный характер?» – стала казнить себя Таня.

Сразу стало грустно. Праздник как будто затих, угасли краски.

«Было прекрасное настроение и вот, в одну секунду, оно исчезло. Почему девчонки любят всё усложнять? Всегда хотят получить объяснение. Им нужны слова. Хотя по отношению к моему Васильку, я не прав, – размышлял расстроенный Сашка. – Вряд ли ей хочется услышать объяснение в чувствах. Она очень сдержанный человек. Я поставил её в двусмысленное положение. Моё поведение трудно понять. Своего добился: Лариса обратила на меня внимание. Откуда Тане знать, почему так поступаю? Назло Ледовской или потому, что сам так хочу? А я, действительно, хочу. Не нужна мне больше Лариса. Сам удивляюсь, как это произошло. Выберу время, поговорю с ней». Приняв решение, Сашка повеселел.

Друг детства Сергей как-то сказал ему: «Девушки придают слишком большое значение словам. Им кажется, что произнесённое слово закрепляет отношения навечно и больше ничего уже не изменится. Глупости! Сегодня я её люблю и верю в это. Она вытащила из меня признание. Завтра могу разлюбить. Девушка будет упрекать меня во лжи, а я не врал, в тот момент так чувствовал. Пару раз обжёгся, и теперь признание в любви из меня клещами не вытащат!»

Александр следовал совету друга. Действительно, проблем при расставании с очередной девушкой у него никогда не возникало. Но Таня не похожа ни на кого, она – другая. Лукьянов улыбнулся, вспомнив давний случай. Семиклассников повезли на совхозное поле собирать за комбайнами кукурузу. Вместе с початками попадались мыши. Мальчишки, схватив грызунов за хвост, бегали за одноклассницами и пугали их. Они грозили засунуть «чудовище» за

пазуху или за шиворот. Девочки истошно визжали, отбивались. Такое развлечение позволяло ребятам безнаказанно дотрагиваться до девочек. Самые храбрые успевали обнять понравившуюся одноклассницу. Сашке тоже попала маленькая мышь. Крепко держа её за хвост, он наметил ближайшую к нему жертву – ею оказалась Таня. Незаметно подкравшись, он сунул мышь прямо в лицо – и ничего не произошло. Девочка молча смотрела на него глазами цвета тёмного шоколада и улыбалась. Он почувствовал себя круглым дураком. Спасла положение Женька, увидев в его руке мышь, как положено, громко закричала. А ему вдруг расхотелось пугать. Лукьянов выбросил мышку в сторону.

– Ты не боишься?

– Нет, – последовал короткий ответ одноклассницы.

«Я переживаю, а он улыбается», – рассердилась Таня, заметив широченную улыбку на лице парня.

Он повернулся к ней, по-прежнему улыбаясь во весь рот.

– Скажи, ты правда, тогда на кукурузном поле не испугалась мыши?

Теперь и она улыбнулась, вспомнив тот случай.

– Ещё как испугалась, до ужаса. Ты об этом сейчас думал?

– Да. Не знаю, почему вспомнил. Тебе удалось меня обмануть. Тогда я зауважал тебя, врунишка.

– Я воспитывала силу воли, но по отношению к мышам не совсем удачно, – хмыкнула

Таня

Сашка взял её за руку и больше не отпускал до конца концерта.

Вечером началась дискотека. Лукьянов играл в школьном ансамбле.

Таня стояла у стены зала рядом с другими девочками и слушала музыку и мучилась: «Почему она стесняется Сашки? Руки, ноги как ватные, не может нормально танцевать, а ему со сцены все видно. Лучше бы его не было здесь, или был, но рядом».

Ловила на себе его взгляды и стеснялась ещё больше. Самой себе казалась неуклюжей и некрасивой. В душе бурлили противоречивые чувства. Большинство девушек в присутствии парней преобразуются, ещё лучше выглядят. Только у неё всё не так – стоит как чучело. Играла музыка. Быстрые танцы сменялись медленными. На сердце становилось всё тяжелее. Как, нарочно, никто не приглашал на танец. Лариса же стала королевой бала, её приглашали наперебой. Соперница в вальсе проносилась мимо, бросая в сторону Тани презрительные взгляды, а у неё от негодования и обиды кровь закипала в жилах.

Едва начинался медленный танец, Таня молила: «Только бы не остаться одной у стены, хоть бы кто-нибудь, подошел!»

Ей казалось, Лукьянов видит её поражение. Разве можно сравнить Ларису с ней? Такую красавицу с какой-то замухрышкой. Увлечшись самоуничижением, не заметила, что к ней подошёл незнакомый мужчина. Он выглядел лет на двадцать пять.

– Милая незнакомка, разрешите вас пригласить.

Таня подала руку и позволила отвести её в центр зала.

– Меня зовут Олег. Я окончил институт и вернулся работать в поселок. А как вас величают? – он говорил нарочито старомодно, это выглядело очень забавно.

– Таня, – сообщила она с улыбкой.

– Где же проживает такое неземное создание?

– В обычном доме на Рябиновой улице, – хмыкнула она.

– Рябины действительно растут на улице?

– Не совсем. Возле моего дома орех и около дома подруги орех, но есть и другие деревья.

А рябина на всю улицу одна.

– Понятно. Улица чьей-то мечты.

Оказалось, он учился в этой же школе, а живёт в соседнем переулке. Будет работать агрономом в совхозе. Олег развеселил её. Настроение поднялось. Вечер снова стал интересным. Олег не отошел от Тани, когда закончился танец. Стал приглашать на все последующие. Он явно заинтересовался ею. Таня украдкой поглядывала на Лукьянова и поражалась мрачному выражению его лица. Сашка не спускал с неё глаз.

Смутная догадка промелькнула в голове: «Ревнует? Или просто думает, что нарушила договор и теперь злится».

Неожиданно, к началу следующего танца появился Лукьянов и пригласил её танцевать. Олег удивлённо посмотрел на него:

– Эта девушка уже приглашена.

– Может быть, и приглашена, но это моя девушка! – возмутился Сашка и повел Таню к сцене подальше от соперника.

– Ты ничего не перепутал?

– Нет, а ты?

Лукьянов так сильно прижал её к себе, что она уткнулась носом в ворот его расстегнутой рубашки.

– Мне дышать нечем, – пожаловалась Таня.

Сашка немного отстранился.

– Извини, я нечаянно.

Впервые Таня танцевала с ним и была так близко. Голова чуточку закружилась. Она не смотрела ему в лицо, видела только шею и кусочек груди. Запах его кожи показался ей родным и волнующим, будоражил кровь и будил неведомые чувства. Таня ощутила тепло его рук на спине. Она словно превратилась в туго-натянутую звенящую струну, и этот неслышный другим звон уловила его душа. Неровное дыхание Сашки попало точно в такт её дыхания. Сердца забились в унисон, как будто они превратились в единое существо.

«Что с ним? Почему так волнуется? Руки дрожат, как у нервной дамочки. Где его знаменитое хладнокровие, которым так гордился?»

Сашка осознал: он ревновал, дико ревновал. Никто не должен касаться Тани! Плевать ему на Ларису и на всех, кто рядом с Ледовской. Оказывается, ему нужна только эта девушка, колючая и нежная одновременно. Раньше он не ревновал – думал выше этого. И вдруг обнаружил, что готов прибить незнакомого парня только за то, что тот танцевал с ней. Что-то похожее на панику нарастало в его душе: «Что же Василёк со мной сделала?»

Они медленно шли по вечерней улице. Пары обгоняли их. Сашка накинул Тане на плечи свой пиджак. Она куталась, касаясь щекой поднятого воротника, и украдкой вдыхала его запах.

– Я начинаю завидовать этому пиджаку, – улыбнулся он.

Таня смутилась. На высоком орехе возле дома в тумане висели качели.

– На твоей улице растут одни ореховые деревья, а она называется Рябиновой. Почему? – чуть растягивая слова, поинтересовался Сашка, любясь нежным овалом лица девушки.

– Мне сегодня уже задавали этот вопрос. Видимо собирались посадить рябины, но нашли только ореховые саженцы, – озадачилась она.

Они приблизились к её дому. На толстом суку тополя висели качели. Когда-то отец повесил их для маленькой Тани, но крепкий канат легко выдерживал и взрослого. Они с Женькой до сих пор время от времени садились на отполированную попами дощечку. Она показала на качели.

– Покатаешь?

– За поцелуй, – ответил Сашка и поразился бешеному стуку своего сердца.

Придержал дощечку, пока Таня усаживалась. Он катал, а она вспоминала, сколько вечеров провела на этих качелях, мечтая о нём. Как волновалась душа, ожидая неизведанного и

прекрасного. Теперь понимала – это было предчувствие любви. Качели плыли в тумане. Таня находилась в столбе рассеянного света, льющегося из окон дома.

– Ты как на сказочных качелях, – тихо произнёс Сашка, останавливая их. – Красиво, правда? – в этот миг он понимал её полностью.

Она благодарно улыбнулась и впервые за весь вечер посмотрела ему в лицо. От светящихся глаз Лукьянова сердце дало сбой. Сашка наклонился и прикоснулся к её губам. Таня подняла руки, обняла его за шею и дотронулась до волос на затылке.

– Мягкие, как я и думала, – прошептала она, перебирая пальцами завитки.

– Сладкие, как я мечтал.

Его руки на плечах Тани вздрогнули.

– Черт! Голова закружилась, как у барышни, – хрипло засмеялся Сашка.

Она отстранилась от него и заглянула в глаза.

– Это плохо.

Его зрачки расширились, от чего глаза превратились в бездонные колодца.

– Мне лично, очень хорошо, – он пристально смотрел на неё, – никогда такого не чувствовал.

– А я не знала, что так бывает...

«Зачем призналась? Теперь он понял, что ни с кем ещё не целовалась», – вспыхнула Таня.

Ей показалось: между их душами протянулась прочная невидимая нить. Когда простившись, Сашка уходил домой, её сердце рванулось за ним. Она не знала, что он тоже испытал острую боль от расставания.

На следующий день Таня проснулась рано. Долго лежала с закрытыми глазами. Не заметила вошедшей в комнату матери.

– Что с тобой творится, ты сама не своя?

– Просто хорошо жить. – Она потянулась и обняла мать. – Как ты себя чувствуешь?

– Ужасно, как будто каждое утро меня выворачивают наизнанку. Когда я носила тебя, было легче. И почему ему не сидится спокойно? Как я выдержу ещё пять месяцев, не знаю.

Таня не делилась с матерью секретами, но та будто чувствовала, когда надо помочь. Приходила к ней в комнату, говорила о чём-то. Когда уходила, оказывалось: без расспросов, незаметно давала так необходимый на тот момент совет.

Отец обладал спокойным, уравновешенным характером. Не любил шумных компаний, долгих застолий. В их доме редко бывали гости, но Таня знала: у отца добрая душа. Антон Сергеевич никогда ни на кого не повышал голос. Всегда прощал жене резкие слова, понимая её взрывной характер. Именно он пристрастил дочь к книгам.

Как-то отец сказал: «Проза передает жизнь внешнюю. Стихи – внутреннюю, душевную, самую глубину человеческих чувств. Хорошие стихи – целый мир».

Таня знала много стихотворений, её душа говорила поэтическими строчками. Едва научившись читать, девочка проглатывала книгу за книгой. Анна Ивановна называла её книжным наркоманом. Заставая ночью, за чтением очередного романа, ругалась: «Спать когда будешь?»

Во время чтения Таня так увлекалась, что не слышала и не видела ничего вокруг. Дозваться её было невозможно. Она была там, в волшебном мире. Вместе с героями покоряла далекие планеты, искала золото на Аляске, умирала на войне, любила в «Терновнике». Тысячи жизней книжных героев становились её жизнью.

ГЛАВА 4

Осень начала прорезивать листву. Деревья стали прозрачнее. Зажигались лёгким огнем их макушки. Как огненные факелы, стояли каштаны. Раскрасилась в немислимые цвета вишня: верхушка была ало-жёлтая, внутри дерево оставалось зелёным, а по бокам, листья приобрели багряно-оранжевую расцветку. Лишь айва и орех не сдавались, оставаясь абсолютно зелёными. Дни стояли тихие, теплые, настороженные. Осень словно призадумалась, какими ещё красками расписать свои владения. Таня очень любила это время года. Набрала целый ворох разноцветной листвы, собираясь поставить букет в вазу.

«Как приятно пахнут», – Таня поднесла листья к лицу и вдохнула их сухой, пряный, угасающий аромат. Вдалеке увидела Сашку. Он шёл по аллее и нёс такой же букет из листьев.

– Это тебе, вдруг не хватает, – засмеялся он, увидев её растерянное лицо.

– Спасибо.

Таня обеими руками взяла этот ворох и подбросила вверх. Листья осыпали их цветным дождем.

Вечерело. Было удивительно тихо и тепло. Вдруг послышался еле слышный треск, потом ещё и ещё. Они затаили дыхание. Теперь треск доносился со всех сторон – листья отрывались от веток. Щелчок, и новый лист полетел вниз. Слышно было так явственно, что Таня удивилась. Даже звук их шагов не заглушал щелчков. Листья встречались в полете, терлись друг о друга, производя тихий шелест.

– Ты слышишь? – прошептала она.

– Да. Опадает листва. Никогда раньше этого не слышал. Подозреваю: рядом с тобой в следующий раз услышу, как растет трава. Осенний лист – падучая звезда. Уже в плену земного притяженья... – тихо произнёс Сашка.

Таня была приятно удивлена.

– Кто это написал? Ты любишь стихи?

– Очень хочется соврать, что люблю, но вряд ли... Я не знаю, кто написал эти стихи. Строчка просто всплыла в памяти. Однажды я слышал по радио заунывное декларирование Беллы Ахмадулиной¹. Жуть, как не понравилось. У тебя получается лучше. Кстати, когда на уроке литературы ты читаешь стихи, с удовольствием слушает весь класс, – гордо сообщил он. Потом протянул руку и убрал с её волос пару мелких оранжевых листиков.

– Правда? – удивилась польщённая Таня. – Почему же ни разу никто не сказал?

Сашка скосил глаза на её губы, с трудом подавил желание, схватить девушку в охапку и целовать, целовать.

– Парни не признаются, что любят слушать стихи в твоём исполнении, а девушки сами мнят себя неплохими чтицами, – хмыкнул он и убрал руки за спину. «Ещё решит, что маньяк, так хочется обнять и прижать её к себе изо всех сил».

Таня подняла голову.

– Посмотри на луну, какой у неё странный цвет.

– Ничего себе! Разноцветные круги вокруг. А знаешь, сегодня колдовская ночь.

Он наклонился и заглянул ей в лицо.

Таня вздрогнула, увидев близко его глаза: с отблесками луны в зрачках.

– Тьфу, на тебя. Ты и, правда, как колдун сейчас.

Она поняла, что сейчас он её поцелует. Сердце колотилось где-то в горле.

Выдержка изменила Лукьянову. Он вздохнул и обнял Таню. Его губы коснулись её губ, им показалось, что земля закружилась быстрее.

В классе уже привыкли и не обращали на них никакого внимания. Только Лариса не унималась. Она задалась целью испортить им жизнь. Останавливала Лукьянова в коридоре, что-то объясняла. Таня злилась и ревновала. Как-то не выдержала:

– Зовет Лариса? Ты так об этом мечтал. Может, хватит притворяться? Я свободна? – сказала, и вмиг почувствовала: летит в пропасть.

– Нет. Не свободна. Давно надо было сказать. Мне не нужна Лариса. Мне необходима ты! А вот я нужен тебе?

– Ещё как! Что-то привязалась я к тебе, – смогла пошутить она. И уже серьёзно добавила: – Ты мне тоже необходим.

На лице Сашки проступило облегчение, будто отменили казнь.

«Господи, – подумала Таня. – Сашка такой же трус, как и я. Он также боится обмануться в моих чувствах, как и я в его. До чего же всё сложно. Жаль, что люди не обладают телепатией, столько недоразумений можно было бы избежать. Мне, например, кажется: Лукьянов ощущает, то же самое, что и я. Тогда почему, я не доверяю этим ощущениям? Неужели они могут обманывать?»

Учебу Таня запустила и боялась съехать на тройки. Смешно, но если Сашка стоит у доски, она не слышит, о чём он говорит. Просто смотрит на него, а у глаз – пелена. Ей приходилось прилагать усилие, чтобы понять учителей.

Класс в десятом «А» светлый, большой, с огромными окнами. На подоконниках множество цветов – гордость «биологички». Тане не верилось, что скоро они покинут школу, а в их класс придут другие ученики. Одноклассники разъедутся и, быть может, уже никогда не встретятся вместе.

И она уедет, и Сашка... Что ждёт их впереди? Так страшно расставаться.

После уроков Женя вышла к доске.

– Минуточку внимания. Прошу всех задержаться. У меня предложение. Пока стоит хорошая погода, давайте съездим на выходные в лес с ночёвкой. Как вам моя идея?

Класс зашумел, заспорил. Самый рассудительный Леша Саченко сказал:

– Да ведь автобус не дадут, и палаток в школе не допросишься.

– А у нас сюрприз. Папа Ларисы даёт автобус, а школа – палатки. Ларисочка у директора выпросила.

«Понятно, откуда ветер дует, – усмехнулся Лукьянов. – Не иначе Ледовская что-то задумала».

– Так нас одних и отпустят? – не унимался Леша.

– Почему одних? Физрук согласился с нами поехать. Мы его рыбалкой соблазнили, – засмеялась Женя.

«Что-то моя подружка в последнее время много общается с Ларисой, – подумала Таня. – Я совсем её забросила, а она приголубила».

– Ура! Едем! – зашумел класс.

ГЛАВА 5

«У меня будет последний шанс вернуть Лукьянова», – размышляла Лариса.

Закончив красить ногти, осторожно подула на кончики пальцев. Всю эту поездку на природу она придумала ради одной цели. Как-нибудь остаться с Сашкой наедине. И попытаться поссорить сладкую парочку.

«Только я имею право бросать не нужных мне поклонников. Они не должны уходить сами, тем более предпочитать мне, первой красавице, – Лариса оглядела своё отображение в зеркале и осталась им довольна, – кого попало. Что он нашёл в этой Васильевой? Никто не имеет право покинуть меня, пока я сама этого не захочу!»

Прошлым летом Лариса с матерью ездила по путевке в Польшу – это был подарок отца. Там познакомилась с Ярославом. Галантный, красивый поляк прекрасно знал русский язык. Он стал её гидом. Водил её по музеям, магазинчикам, которых в Варшаве оказалось великое множество. Вечерами они ходили в кафе. Танцевали в маленьком ресторанчике на центральной площади. В туристическую группу попали только жены и дочери чиновников, поэтому они свободно бродили, где вздумается. Большинство туристок вместо музеев посещали магазины и бутики, тратя деньги мужей. С Ярославом Лариса стала женщиной. Он соблазнил её легко, играючи; впрочем, довольны остались оба.

В то утро Лариса проснулась от криков матери в соседнем номере:

– Сволочь! Как ты мог! Ей всего шестнадцать лет. Я нанимала тебя показать музеи. Поводить по магазинам. Составить девочке компанию, чтобы не скучала. А ты! В тюрьму посажу! – орала мать на Ярослава. – И не отпирайся. Я видела, как ты выходил из её номера утром!

– Ничего ты мне не сделаешь! Иначе твой муж узнает, чем ты здесь занималась, – голос Ярослава звучал абсолютно спокойно. – Твоя дочь такая красавица, что ты могла мне вообще не платить. Я бы занялся ею совершенно бесплатно. Ты лучше хорошенько подумай, как провезёшь через таможню свои таблетки.

Лариса услышала, как хлопнула дверь номера. Ярослав ушёл.

«Значит, все эти чудесные дни были оплачены матерью. Какое счастье, что она не влюбилась в этого Казанову. Чувствовала в нём что-то фальшивое. Но мамаша, какова, гадина!»

Лариса вскочила с кровати и помчалась в номер матери:

– Ну, и во сколько тебе обошелся поляк? – спросила она, не сдерживая раздражение.

– Дорого. Прости меня! Я хотела, как лучше, чтобы ты повеселилась. Надеюсь, он не сделал ничего плохого?

– Нет. Всё в порядке. Лучше стать женщиной с ним, чем с сопливым мальчишкой. Спасибо мама за заботу.

Лариса издевательски поклонилась. Её захлестывало обида и злость.

– Решила папе рога наставить, а я мешала! Всю жизнь мешаю... Маленькую нянькам подкидывала, – Лариса всхлипнула: – Я никому не нужна. Няньки и те сбегали. Даже Аллочка бросила меня!

– Что ты мелешь? Ты нужна нам. Прости меня! Отцу я не изменяла, ты не так поняла Ярослава. А насчет Аллочки могу теперь сказать: тебя она не бросала. Я сама её выгнала, потому что слишком много говорить стала. Возомнила о себе, бог знает что!

– Алла меня не бросала? Ты... знала, как я люблю её и все равно выгнала?!

– Благодарю своего папочку. Из-за него я не могла больше трёх месяцев держать няnek в нашем доме. Кобель! Они тоже хороши! Все на него вешались. А ты не больно-то горевала: через неделю забыла свою Аллочку.

– Не забыла, – голос Ларисы стал тусклым. – После неё больше ни к кому не хотела привязываться. – Она вышла и тихо закрыла дверь за собой.

До трёх лет у неё не сохранилось детских воспоминаний. Девочка не успевала привыкнуть к одной няньке, как её сменяла другая. Больше всех она привязалась к Алле, в их доме она единственная задержалась на полгода. Молодая девушка искренне полюбила малышку, обнимала, целовала её. На бесконечные вопросы любопытной девочки отвечала без раздражения. По вечерам рассказывала ей сказки и держала за руку, пока кроха не засыпала. Лариса никогда больше не чувствовала себя такой любимой и защищённой, как в то время. Алла вдруг исчезла, и мир маленькой девочки рухнул. Она не понимала, что же такого сделала? Почему няня оставила её? Почему все уходят, бросают? Она плохая? Её не за что любить? Тогда и она, не будет никого любить. Больше никто не сделает ей больно! Повзрослев, Лариса превратилась в красавицу, но в глубине души считала, что не заслуживает любви. С того далекого дня её сердце закрылось для любой привязанности.

Лариса стала циничной и сентиментальной, нежной и грубой одновременно. Характер девушки представлял собой гремучую смесь.

«Господи, значит, Алла не бросала меня? Она, правда, любила!» – На душе у Ларисы пели птицы. В эту минуту она простила всех: и мать, и Ярослава, и своих обидчиков.

Отец в сорок три года оставался стройным, подтянутым и очень красивым мужчиной. Лариса рано поняла, что он не любит мать. На некрасивой Ирине Валерий женился по расчёту. Девушка была единственной дочерью большого чиновника в Краснодаре. Ей стукнуло тридцать четыре года. Она засиделась в девках. Ухаживание красивого парня, работавшего секретарем у отца, приняла с радостью. Спустя два месяца после знакомства они поженились. Ни возражений, ни просьб отца Ирина не слушала. Она влюбилась!

Тесть не доверял зятю. Считал его выскочкой, неровней дочери, но ничего не мог сделать. Он отправил Валерия подальше от Краснодара в глубинку, тем не менее, найдя для него хорошую должность. Валерий Петрович стал председателем сельского совета в поселке городского типа Луговом. Последующие шестнадцать лет он работал бессменным руководителем этого поселения. Обладая неплохими задатками лидера, хорошо организовал работу сельсовета. Поселок при нём расцвел: дома строились, дороги ремонтировались, улицы убирались. Воровал он понемногу и только через лазейку в законах. Как считал сам, восстанавливал справедливость в оплате труда. Коттедж построил небольшой, но уютный. Жадным никогда не был, а работу свою любил. Ему очень нравилось чувствовать себя хозяином посёления. Женившись на Ирине, он получил, что хотел. Поначалу даже терпел ласки нелюбимой жены, но после рождения дочери их отношения окончательно разладились. Разводиться он не собирался: его всё устраивало. Любовницы, зная, что он женат, многого от него не требовали. Скучающая жена изредка ездила в ближнее зарубежье и тихо спивалась. Она быстро поняла, какая роль ей отведена мужем.

Лариса уже в семь лет сообразила, что отец изменяет матери. С раннего детства слышала крики и упрёки в его адрес. Она искренне не понимала, как её красивый папа мог жениться, на такой особе, как мама. Сама Лариса представляла собой женский вариант отца. Натуральная блондинка с нежной, чистой кожей, голубыми глазами, правильными чертами лица и идеальной фигурой. Отец любил дочь, баловал, а мать почти не замечала её, отдав на воспитание нянькам. Валерий Петрович был вечно занят – девочке приходилось довольствоваться общением с чужими людьми.

Когда Лариса подросла, стал брать её на нужные встречи. По выходным ездили в Краснодар. Ходили в театр, на выставки, в кафе, рестораны, но никогда не приглашали с собой мать. После родов Ирина Ивановна сильно располнела, а потом ещё обиды, ревность и недовольство жизнью стала усердно заедать сладостями. К пятидесяти годам стала весить больше ста килограмм. И муж, и дочь стеснялись и откровенно пренебрегали ею. Она попала в замкнутый

круг: чем больше жалела себя, тем больше ела. Ирина Ивановна до сих пор любила мужа, но иногда ей казалось – ненавидит. Дочь точная копия отца сильно раздражала Ирину. Она имела всё: деньги, достаток, свободное время, не доставало главного – любви. С появлением в семье свободных денег увлеклась путешествиями. В Чехии впервые, кроме спиртного, к которому привыкла, попробовала запрещённые антидепрессанты. С тех пор цветные таблетки стали её утешением и способом забыть суровую действительность. Однажды в поездку взяла с собой дочь, о чём сильно пожалела.

После Польши Лариса ощущала себя старше и опытней своих одноклассниц. Мальчишки и вовсе казались ей детьми.

«Но это не значит, что у меня можно безнаказанно уводить поклонников. Что моё, то моё. Я сама решаю, когда нужно убирать мусор», – думала она, вышагивая по комнате. Лариса не забыла свою обиду и недоумение, когда впервые увидела эту парочку.

Лукьянов держал Васильеву за руку и смотрел на неё такими глазами, что Ларисе показалось, будто её обманули.

Она до сих пор помнила: в пятом классе Таня посмела отказаться от приглашения на день рождения. Вместо того чтобы обрадоваться оказанной чести. Эта девчонка спросила:

– А Женя приглашена?

Узнав, что нет. Сказала:

– Без подруги я не могу пойти к тебе, извини.

Ошарашенная и не привычная к отказам Лариса буквально онемела: «Васильева посмела указывать ей, кого приглашать!» С того момента она стала настороженно относиться к Тане, хотя в глубине души уважала строптивую одноклассницу. Та всегда имела собственное мнение и не боялась его высказывать.

В седьмом классе Лариса впервые пришла, накрасив веки тенями и воспользовавшись маминой губной помадой. Все девочки восхищались её внешностью и умением пользоваться косметикой. Только Таня, взглянув, сказала: «Ты похожа на клоуна».

Большого оскорбления нельзя было придумать. Горя мщением, Лариса изобретала Васильевой отвратительные клички, но они не приживались. Что было обиднее всего, она просто не замечала её попыток досадить.

В девятом классе Олег Иващенко стал ухаживать за Таней. Заметив это Лариса «отбила» его. Одноклассники замерли в ожидании. Что будет дальше? Васильева же просто не заметила! Пришлось расстаться с парнем ставшим не нужным.

«Теперь с Лукьяновым я не должна проиграть», – твёрдо решила для себя Лариса.

ГЛАВА 6

За окном моросил дождь. Косые нити воды сбегали по стеклу, оставляя острые, как иглы, прозрачные капли. Всё окно залепило этими водяными иголками. Сверху капли были толще, а внизу необычайно тонкие. Сонная Таня рассматривала окно, пока не поняла: уже утро. А из-за дождя казалось: всё ещё длится ночь.

«Мы же в лес собирались, неужели придется отложить поездку?»

Она вскочила с кровати. Быстро умылась и, посмотрев на себя в зеркало, застонала. Длинные волосы спутались – придется повозиться, расчесывая их.

«Надо уговорить маму, чтобы она разрешила сделать стрижку. Мне коса совсем не идет, да и возни с ней много».

К её смуглому овальному лицу пепельно-чёрная коса и впрямь не подходила. Короткая стрижка подчеркнула бы её миндалевидные глаза и прямые чёрные брови.

– Глядя на вас, понимаешь, что монголы на Руси оставили свои гены, – шутил отец.

Сам он был высоким голубоглазым блондином, а его девочки – небольшого роста, миниатюрные.

– Ты похожа на маму, а характер мой, – добавлял он.

Но сильно в этом ошибался. Под внешним спокойствием и рассудительностью Тани бурлил целый вулкан чувств.

Она справилась с непослушной косой, надела старенькие джинсы, футболку и свитер. С рюкзаком и курткой в руках прокралась к выходу из дому.

– Куда собралась в такую погоду?

– Мамочка, пожалуйста! Вы же вчера отпустили меня!

– Что в такой дождь делать в лесу? – пробурчала Анна Ивановна.

– Может, там нет дождя.

– Саша тоже едет? – задала мать неожиданный вопрос.

– А причем тут Саша? Едет весь класс, – смутилась дочь.

– Но он тоже едет, – улыбнулась Анна Ивановна. – Этот мальчик что-то значит для тебя?

– Мам, я сама не уверена, что же говорить...

Анна Ивановна засмеялась:

– А подружка твоя просветила, что у вас всё серьёзно.

Таня смутилась и пообещала себе задать Болотиной перца.

– Ох, и получит Женька.

– Она, как партизан, держалась. Я допросила, – усмехнулась мать.

Таня притопнула на месте от нетерпения.

– Мам, я опоздаю. Пожалуйста!

– Ладно, дочь, иди, но будь умницей.

Таня быстро выскочила за дверь. Щеки горели. Она даже не подозревала о волнениях матери.

Возле школы на удивление собрался весь класс. Продрогли и, чтобы согреться, стали танцевать. Прохожие улыбались, глядя, как молодежь мокрая, посиневшая, танцует под дождем. Из магнитофона звучал хриплый голос Челентано².

– Дискотека! Подходите, не пожалеете! – кричали возбуждённые, весёлые школьники.

Их танец скорее напоминал языческую пляску. Подъехал автобус. С криком «Ура» школьники бросились штурмовать дверь.

Удивительно, но в лесу светило солнце. На совершенно сухую траву полетели рюкзаки и рулоны палаток.

Перевалив за середину октября, осень решила порадовать последними, теплыми деньками. Яркое солнце к десяти часам утра ухитрилось прогреть воздух до двадцати градусов тепла. Мальчишки ставили палатки под руководством физрука Ильи Константиновича. Девочки развели костер и закипятили чай в казане. Согреваясь ароматным, душистым напитком, решили: часть ребят пойдет на рыбалку, часть по грибы, остальные займутся обустройством лагеря. Возле костра развесили сушить мокрую одежду. Лагерь стал похож на цыганский табор. Все шумели, были взбудоражены, как это часто бывает, если молодежь остается одна. Единственный взрослый усмехался, посматривая на развеселившихся ребят. Физрук убедился, что все в порядке: спиртное никто не взял. Со спокойной душой ушёл удить рыбу.

Ближе к обеду узнать, как дела у рыбаков, отправили Таню. Она спустилась по тропинке к реке и пошла вдоль берега. Одноклассники встречали её шутками, отдавая мелких рыбешек с видом заправских добытчиков. Таня ещё не видела Лукьянова, он тоже ушёл рыбачить. Она подошла к воде ближе и замерла. Спинай к ней стоял Сашка, обнаженный до пояса, в брюках и сапогах-забродах. Рубашка сушилась на кусте ивняка. Он обернулся и показал на ведерко. Таня заглянула в него и засмеялась:

– Только одна маленькая рыбка.

– Зря смеёшься. Это золотая рыбка. Я пожелал, чтобы ты появилась, и мое желание исполнилось.

– А эта рыбка осуществит ещё одно? – поинтересовалась Таня, рассматривая «волшебницу» в воде.

Сашка с любопытством посмотрел на нее.

– Какое?

Она осторожно взяла рыбку в ладони и выпустила в реку.

– Секрет.

– Что ты делаешь? Мой улов пропал! – ненатурально возмутился он.

– Это для того, чтобы рыбка выполнила загаданное. Тебе не холодно?

Таня сняла высохшую рубашку с куста. Сашка, хлюпая по воде тяжёлыми сапогами, подошёл к ней. Положил удочку на берег, не сводя с девушки глаз. Она почувствовала исходящий от него жар и волнение. Его глаза стали такими же, как тогда в лунную ночь, бездонными провалами зрачков, почти поглотивших радужку.

«Сколько раз я видела раздетых парней на пляже? Ни один из них не вызывал никаких чувств. А сейчас я умираю от желания, дотронуться до него. Просто дотронуться».

Таня подняла руки и положила ладони на грудь Сашки. Легонько провела по гладкой, прохладной коже. Она стояла на низком берегу, он в воде. Впервые на одном уровне. Ей не нужно поднимать голову, а ему наклоняться к её лицу. Они смотрели друг другу в глаза, не отрываясь. Сашка притянул Таню. Она приникла к нему, голова склонилась к его плечу.

– Я хочу обнимать тебя вечность, – прошептал он на ухо и прикоснулся губами к шее. – Они опять стучат разом. Слышишь?

Таня подняла голову.

– Да. А ещё ты дышишь, как я...

Она погладила его щеку ладонью, точно зная: у неё сейчас такие же сумасшедшие глаза, как и у Лукьянова.

– Какая трогательная сценка! За рыбкой пошла, тихоней прикинулась, – послышался ехидный голос Ларисы.

– Саш, иди сам..., неси рыбу..., я, потом приду, – тихо сказала Таня, чувствуя себя оплеванной.

– Долго вы там? Вас ждут. Ромео, рубашку не забудь. Все хотят есть. Вы-то любовью сыты! – Она злорадно засмеялась.

– И конечно, именно тебя послали за нами, – буркнул Сашка с досадой. Присел на берег, стащил сапоги.

Таня взяла ведро и удочку. Сашка в одну руку взял сапоги, другую протянул ей, помогая подняться по крутому склону. Не обращая внимания на Ларису, они прошли мимо.

– Эй, я что невидимка?! – крикнула она в след.

– Ты? Ты – пустое место, – ответил Лукьянов холодно и, наклонившись к Тане, чуть слышно произнёс: – Не переживай. Ничего плохого в нашем поведении нет. Это ей должно быть стыдно.

На поляне горел костер. В закопченном эмалированном ведре кипела уха.

– Хорошо, что мы их не ждали. С этого улова только чай кипятить, – сказала Женя, заглянув в пустое ведро.

– Илья Константинович знаешь, сколько поймал? – восхищённо проговорила она, обращаясь к подруге.

– Ужасно хочется есть. Садитесь, всё готово, – позвала к столу Оля Сарычева.

– А им не хочется, – заявила подошедшая к костру Лариса. – Они любовью сыты. Приди я чуть позже, застала бы не только поцелуи, а кое-что другое.

– Ну и, чтобы ты увидела? – Лукьянов приблизился к ней. Лицо его было злым и напряженным.

– Что? Про это даже малыши знают. Танечка – лёгкая добыча. Да, Саня? Ты даже несильно старался, – деланно захохотала Лариса.

Вокруг стояла мёртвая тишина. Потрескивали, сгорая в костре ветки.

В этой тишине звук пощечины показался оглушительным. Лукьянов вытащил из кармана носовой платок и тщательно вытер руку.

– Ты, ты посмел ударить меня! Запомни: тебе это дорого будет стоить. Ох, как ты пожалеешь, запомни! – угрожала оскорблённая Лариса.

Она помчалась в палатку. Схватила свою сумку и, подлетев к Валере Чернову, спросила:

– Ты на мотоцикле приехал? Отвези меня домой подальше от этих... ненормальных.

Валера нехотя поднялся, но отказать Ларисе не смог.

– Кто обидел нашу принцессу? – спросил, вернувшийся с корзиной грибов Илья Константинович. – Она чуть с ног не сбила, столкнувшись со мной на тропинке.

– Лариса сама кого хочешь обидит, – буркнул Сашка.

– Ладно, сами разберетесь, не маленькие. Валеру я попросил ехать осторожнее, чтобы ничего не случилось.

– Илья Константинович, где вы столько грибов нашли? – удивилась Женька, заглядывая в корзину. – Как мы их приготовим?

– Очень просто, как шашлык. – Физрук повозился в своём рюкзаке и вытащил чехол с шампурами. – Учитесь, пока я жив.

– Если бы не вы, мы бы ели только то, что привезли из дому. – Женя укоризненно оглядела мальчишек.

– У Ильи Константиновича опыт, а мы ещё не приобрели его, – стал защищать мужскую половину класса Леша Саченко.

– И годы, – физрук подтвердил слова Леша.

Тихий вечер опускался на осенний лес. Сиреневые сумерки всё ближе подползали к палаткам. Сытые, довольные школьники сидели у костра, наперебой делясь впечатлениями: от

прогулок по лесу, от рыбалки, грибной охоты. Огромная луна величаво повисла над землей, освещая лес жемчужным призрачным светом.

– Давайте рассказывать страшные истории, – предложила одна из сестер близнецов Сарычевых.

– Ну, это уже без меня, – усмехнулся Илья Константинович. – Я пойду спать, а вы сидите. Потом будете вспоминать этот вечер.

Ребята по очереди рассказали несколько кладбищенских историй. Девочки стали испуганно оглядываться в темноту за костром, ближе подвигаясь к одноклассникам.

– Хотите, я поведаю одну жуткую байку из жизни, – предложила Оля Сарычева.

Таня посмотрела на близняшек, до чего же они похожи. У обоих бледные удлиненные лица с огромными карими глазами. С такой интересной внешностью рассказывать страшилки самое то.

– Начинай, – выразила общее мнение Женька Болотина.

– Тогда слушайте. Это случилось в нашем поселке. Мне и Юле рассказала бабушка.

В помещицкой усадьбе горничной работала одна девушка. Её звали Полина. Она любила сына хозяев, а он любил её.

– А потом, оказалось, что родители против их любви. Девушка утопилась, стала привидением и принялась всех пугать, – перебил рассказ Леша. Я угадал?

– Нет. А если будешь перебивать меня, я не буду рассказывать дальше, – обиделась Оля.

– Всё, замолкаю, – повинулся Саченко.

– Слушайте дальше, – продолжила Сарычева. – Они тайно обвенчались в местной церкви. Николай, так звали жениха, был военным. Шла война с Германией. Уходя на фронт, он обещал невесте после войны, представить её своим родителям. Сказал: вернётся обязательно, чтобы с ним не случилось. Полина ждала: год, два, три. Началась революция. Солдаты стали возвращаться с фронта домой. Родители Николая, бросив усадьбу, бежали за границу. Помещицье добро растащили крестьяне. Девушка, уходя из хозяйского дома, на память о любимом взяла несколько его вещей и портрет в серебряной рамке. Тая, подруга Полины, знала про её беду и уговаривала девушку забыть Николая и жить дальше. Но та твердила: он вернётся! Однажды Тая пришла проведать Полину и застала её веселой, напевающей песенку. Подруга, улыбаясь, готовила обед.

– У тебя всё хорошо? – поинтересовалась удивлённая Таисия.

– Теперь, когда Коля вернулся, просто замечательно, – ответила Полина.

Тая заметила: лицо Поли похудело, кожа стала землистая, глаза впали, а волосы за те три дня, что они не виделись, поседели.

– А когда твой муж приходит к тебе?

Та беспечно отвечает:

– Почитай каждый вечер, остается у меня до утра.

– А куда он уходит утром? – заволновалась Тая.

– Не знаю, – растерялась Полина.

Тая догадалась, что мертвец стал посещать молодую жену по ночам. Приплакала она его. Когда Полина по делу вышла во двор, Тая обыскала хату и, найдя вещи Николая, бросила их в огонь печи. Только про портрет не знала. Он так и остался в доме.

– Хочешь порадовать Колю?

– Конечно, хочу, а как? – Поля посмотрела на подругу странными пустыми глазами. Мысленно она была далеко отсюда.

– Перед приходом мужа сядь на крыльчке. Причесывай распущенные волосы и щёлкай семечки. Он подойдет к тебе и спросит: «Что ты делаешь?» Ты отвечай: «Да вот, вшей вычесываю».

Какая-то мысль забрезжила в голове у Полины и тут же исчезла. Ей трудно было сосредоточиться хоть на чем-то.

– Ему это понравится?

– Очень понравится. Завтра я приду, и ты мне всё расскажешь.

Полная луна взошла на небе. В деревне стояла такая тишина, что было слышно, как шуршит песок под ногами Николая, идущего к сидящей на крыльце жене. Не пели птицы, не лаяла ни одна собака. Замерло всё. Полина сделала, как посоветовала Таисия.

– Что ты делаешь? – обратился к жене мертвец.

Она вдруг поняла: муж не разговаривал с ней с момента встречи. Полина не узнала этот утробный звук. Голос Николая раньше звучал по-другому.

– Да вот, вшей вычесываю, – ответила она.

И в ужасе увидела, как затряслось тело, стоящего перед ней мужа. Лёгкая дымка окутала его, и через минуту он исчез. Сразу залаяли собаки. Застрекотали сверчки и цикады. Полина горько заплакала.

Утром прибежала Тая, увидела живую, посвежевшую подругу. На её расспросы Полина не отвечала, только задумчиво смотрела в пустой угол. Не добившись от неё ни слова, Таисия ушла. Поздно вечером она подкралась к дому подруги и заглянула в окно. От ужаса еле сдержала крик. За узким обеденным столом друг против друга сидели Полина и Николай. На середине стола горела свеча. Они держались за руки. Тая закусил губы до крови. От свечи на стену ложилась только одна тень – Полины. Мужчина вдруг медленно повернул голову и уставился тусклыми, оловянными глазами прямо на подглядывающую девушку. Он как будто видел или чувствовал ее. Не помня себя, она побежала прочь от этого страшного дома.

Только к обеду Таисия набралась храбрости и пошла к подруге. Дверь в хату была открыта. Она боязливо перешагнула через порог и вошла в горницу. За столом перед догоревшей свечой сидела Полина, прижимая что-то к груди. Тая тронула её за плечо, она повалилась на стол. Руки разжались. На пол упал портрет Николая в почерневшей серебряной рамке. Поля была мертва.

– Ужас, какой, – прошептала Женька. Во время рассказа она сидела, вцепившись обеими руками в руку Леши Саченко.

– У... у! – услышали все кошмарный вой.

Девушки дружно завизжали от страха. Юноши вскочили с мест, не понимая, что происходит. На поляну, держась руками за живот, ввалился Валера Чернов.

– Видели бы вы свои лица. Ой, не могу! – он пытался говорить между приступами смеха.

– Как ты здесь оказался? Мы не слышали звука подъезжающего мотоцикла, – поинтересовался Сашка.

– Я специально заглушил его далеко от костра и толкал к поляне. Хотел напугать. И вдруг такой подарочек, рассказ Оли. Здорово перетрусили?

Выходка Валеры напугала девочек. Дальше решили рассказывать только смешные случаи.

Они сидели рядом. Одной рукой Сашка обнимал Таню за плечи. Сквозь тонкую ткань брюк она ощущала горячее бедро Лукьянова. Другой рукой поглаживал ямочку между большим и указательным пальцем на её правой кисти. Таня осторожно покосилась на Лукьянова. Интересно, он осознает, что делает? Кажется, нет. Сашка, задумавшись, машинально водил пальцем по её руке. Как-то Таня видела: так поглаживал четки старик в автобусе, отрешённо о чём-то размышляя.

«Моя рука для него как те чётки».

Еле заметная улыбка скользнула по её губам. Он даже не вздрогнул, когда их пугал Чернов. Значит, не слышал, что говорят вокруг, машинально отреагировал на её испуг.

«О чём же твои мысли?» – озадачилась Таня.

Когда она дернулась от воплей Валеры, Лукьянов очнулся. Сразу прикоснулся к её руке губами, словно успокаивал таким образом. Больше он не выпадал из реальности. Слушал весёлые рассказы одноклассников, добавлял подробности, комментировал. Время от времени дотрагивался губами до её ладони, будто нашел живительный источник.

Пройдет несколько лет. Но Таня будет помнить эти поцелуи и свои ощущения – ничего более нежного и эротичного она никогда не испытывала.

Всё чаще стали возникать паузы в разговоре. Уставшая молодежь стала зевать. Одноклассники, молча, смотрели в костер. Тепло от огня распространялось далеко, согревая всех. Трещали сучья. Ветки, сгорая, становились жёлто-красными и казались стеклянными. Над костром колыхался прозрачно-белый столб дыма. В нём вертелись и взлетали пылающие листья. Языки пламени извивались, поднимаясь и опадая вниз, делились на несколько язычков, похожих на огненных змей. Иногда огонь трясся, как в лихорадке. Несколько раз его присыпали листьями. Он сердито пробивался, салютом посылая вверх дым и горящую листву. Сквозь этот фейерверк дрожала луна.

– Ребята, все уже сонные, но такая ночь, когда мы вместе, больше не повторится. Я предлагаю попить чаю, – сказала обычно молчаливая Маша Ковалева.

Её слова поддержали радостными криками. Над безобидной Машей часто подшучивали в классе и считали недалеккой. Обычно она отмалчивалась, стараясь быть незаметной, но с её крупной, чуть полноватой фигурой, ярко-рыжими волосами, весёлыми веснушками на носу сделать это довольно сложно. В этот чудесный вечер почему-то никто не удивился смелости Ковалевой. Маша попросила ребят вместо листьев в костёр подбросить поленьев, чтобы вода закипела быстрее. Девочки хотели помочь с приготовлением напитка, но она сказала:

– Зачем толкаться у казана. Я сама заварю чай и разнесу кружки.

В неярком свете костра она ухитрилась не расплескать чай и не споткнуться. Её благодарили, получая кружки с душистым, пахнущим дымом напитком. Трудно было поверить, глядя на оживлённую одноклассницу, что обычно она молча сидела на предпоследней парте или, мучительно краснея, отвечала у доски. Маша всегда была любимым объектом насмешек Ларисы. Но сейчас Ледовской не было и все чувствовали себя свободнее. Даже её окружение вело себя так, будто освободилось от гнета.

Таня, наблюдая за одноклассницей, подумала: «Лучше чем Ковалева с приготовлением и подачей чая никто бы не справился».

Сашка понял, о чём она размышляет. Наклонился и, касаясь уха тёплыми губами, тихо произнёс:

– А какие Маша печёт обалденные пироги.

– А ты, откуда знаешь? – в голосе Тани послышались ревнивые нотки, доставившие Лукьянову большое удовольствие.

– Брат Маши – мой спарринг партнер по самбо – угощал пирогами после тренировки. Тренер чуть не убил нас за это. Забрал оставшиеся пироги и потом расхваливал её стряпню.

– А я не пеку пироги, только торты, – расстроилась Таня.

– Очень жаль, – подразнил её Сашка и сразу заработал толчок острым локтем в бок.

Ковалева разнесла кружки с чаем, все молча им наслаждались. Когда она подошла к ним, то почему-то протянула одну чашку на двоих.

Таня заметила, что одноклассница выдала по одной кружке только трем парам: им с Сашкой, Жене с Лешей и себе с Игорем Петровым. Чем она руководствовалась неизвестно, но никто из обделённых пар не возразил. Спустя время, Таня вспомнит это и поймёт: прозорливая Маша предвосхитила некоторые события.

– Ну что взбодрились? – обращаясь ко всем, спросил Валера.

– Да! – последовал дружный ответ.

– Сыграй, Лукьянов, пусть девочки споют, – попросил Чернов, подавая гитару. – Чур, первой – мою любимую.

Валера сложил руки в умоляющем жесте.

Все знали, что он любит песню «Колокола» Владимира Маркина. Самое интересное – это была песня родителей.

Лукьянов взял гитару и легонько коснулся струн. Таня смотрела на его пальцы, перебирающие струны и чувствовала: душа отзывается на каждую сыгранную им ноту.

– И зазвонят опять колокола, и ты войдешь в распахнутые двери... – с чувством выводили девочки.

Эта мелодия так тревожила сердце, что хотелось плакать от избытка эмоций и счастья. Потом пели и грустные, и весёлые песни. Почему-то все старые, задушевные, лиричные. Лучше всех выводили девочки с хуторов, поселковые им явно уступали. Таня поразилась: откуда они знают эти песни? Вот она, например, большинство слов просто не помнила.

«Буду ли я когда-нибудь ещё так счастлива, как сейчас?» – подумала Таня.

Только под утро ученики разошлись по палаткам.

Ребята спали непробудным сном. Давно поднялось солнце. Высохла на траве роса. Солнце расцеловало яркие осенние цветы и повисло на верхушке громадного дуба. Десятый «А» не просыпался. Тогда лукавое светило поднялось выше и заглянуло в окна на крышах палаток. Солнечные зайчики запрыгали по лицам спящих и разбудили их. Женька проснулась первой, затормозила Таню.

«Ничего себе. Скоро двенадцать».

Болотина умылась и включила магнитофон на полную мощность.

– Подъем, сони! Всё на свете проспало! – зашумела она.

Девочки, шурясь от яркого света, показались из палаток. Женька начала будить мальчишек:

– Вставайте лежебоки, а то палатку переверну!

В ответ не раздалось ни звука, словно Болотина была комаром, нудно зудевшим над ухом. Тогда сестры-двойняшки Оля и Юлия набрали в кружки воды и дружно плеснули в палатку одноклассников. В ответ раздалась угроза, посчитаться с ними за такое коварство. Окончательно проснувшись, мальчишки принялись обливать девчонок. Поляну заполнил визг, шум и гам. Таня тихо выскользнула из палатки и не замеченной попыталась пройти к реке. Но не тут-то было! Сзади на неё кто-то плеснул воду. Раздался весёлый голос Сашки:

– Негоже быть сухой среди мокрых людей. Хитренькая какая!

Его футболка насквозь промокла и облепила тело, обрисовывая красивый торс.

– С одной стороны намочил, теперь с другой. – С этими словами он прижал Татьяну к себе.

– Саш, отпусти, теперь и я мокрая, – взмолилась она.

Лукьянов наклонился и поцеловал её.

– Всё правильно. Так честнее.

Восторженные крики прокатились по лагерю. Оказалось, Илья Константинович появился на поляне с большим уловом рыбы. Готовить вызвалась Маша. Одноклассники восприняли это как само собой разумеющееся. Голодные ребята без конца заглядывали к поварихе в котел. Она терпеливо их отгоняла. Наконец, обед был готов. Таня решила, что ничего вкуснее этой ухи никогда не ела. Её мнение разделяли все, беспрестанно расхваливая бесподобную уху.

– Тебе, Ковалева, нужно идти в повара, – посоветовал Илья Константинович.

– Мне это не нужно. Я выйду замуж и буду готовить для своей семьи, – наливая физруку добавку, ответила она.

Воцарилась неловкая тишина.

– Ничего себе, – присвистнул Валера. – Хочешь быть домработницей? Это твоя мечта?

– Да! – Маша с вызовом, оглядела одноклассников. – И детей хочу не меньше трёх.

– Ну ты даешь, Ковалева! – Чернов развел руками. – Как-то убого это.

– Что, так ужасно об этом мечтать? Презираете? – Маша впервые говорила свободно. – И знаете: мне плевать, если вы так считаете!

– Bravo, Маша! Молодец! А мечты у всех разные – это нормально, – поддержал её Сашка. – Никто тебя не презирает.

Таня почувствовала себя большой трусихой. Она бы никогда не смогла при всех рассказать о своей мечте.

Послышался громкий автомобильный сигнал.

– Ребята, собирайтесь и побыстрее. Приехал автобус. Шофёр долго ждать не будет, – попросил физрук.

Школьники разочарованно загудели, но стали послушно собирать палатки.

Очень не хотелось уезжать из леса. Вещи упакованы, палатки сложены. Все благодарили Илью Константиновича: за поездку, за рыбу, за то, что он так ненавязчиво осуществлял свой надзор, дав им возможность побыть без взрослых.

Этот выезд на природу они будут часто вспоминать спустя много лет после окончания школы.

ГЛАВА 7

– Мама, оставь пылесос в покое. Я сейчас закончу делать уроки и приберусь в доме, – возмущалась Таня.

Не слушая ее, мать снова взялась за пылесос.

«Господи, ну почему она такая упертая, – злилась Таня, – всё нужно сделать здесь и сейчас. Когда это нужно маме, а не мне».

В последнее время Анна Ивановна стала особенно раздражительной и обидчивой. Таня понимала, что это последствия беременности. Мать, как маленькая девочка, часто плакала. Перепады её настроения, плаксивость, вспыльчивость, плохое самочувствие каждый раз заставляли врасплох. Растерянная дочь утешала, как могла, чувствуя себя старше матери.

После поездки в лес Таня ожидала, что Лариса постарается отомстить за унижение. Прошёл день, другой, но всё было как обычно. Ледовская вела себя тихо, ничем не выказывая обиду на Лукьянова.

«Может, она поняла, что не права. Постоянно злословить и надсмехаться над всеми не стоит, – размышляла Таня, наблюдая за ней. – Наверно, окружение Ларисы подробно рассказало о том, что происходило после её отъезда. И она сделала вывод, что заносчивость ей же во вред».

Спокойное поведение Ледовской сбивало с толку. В начале ноября она принесла в класс польскую и французскую косметику. Предложила одноклассникам посмотреть её. Девушки ахали, разглядывая красивые тени, качественную тушь, помаду, блеск. Их восторгу не было предела. Маша Ковалева, незаметно и робко сидевшая в углу, не выдержала и подошла к ним.

– А тебе что здесь нужно? Будущим мамашам и домохозяйкам можно не краситься, – с усмешкой заявила Лариса.

– Вот теперь, всё в порядке. Я уж подумала, что она изменилась, – усмехнулась Таня.

– Действительно, должно же быть в этом мире что-то постоянное, – добавил Сашка и, обращаясь к расстроенной Ковалевой, утешил:

– Ты у нас красotka и без этой штукатурки.

Маша благодарно улыбнулась в ответ.

Лариса никогда не брала у одноклассниц денег за косметику. Она дарила её девочкам. Этим незамысловатым способом покупала преданность и благодарность одних и вызывала зависть тех, кого обделяла своими подарками. Даже недолюбливая соперницу, Таня замечала её чувство стиля. Ледовская умела хорошо одеваться, обладала замечательным тонким вкусом. И если находилась в благодушном настроении, могла дать точный и нужный совет.

Белова Яна всегда слыла дурнушкой. Добрая, веселая, чуть простоватая девушка носила короткую стрижку с чёлкой до самых глаз. Однажды Лариса подозвала её к себе:

– Слушай, Янка, сил нет смотреть на это убожество, – показала на густые, торчащие во все стороны волосы одноклассницы.

– Я же не виновата, что у меня такие волосы, – еле сдерживая возмущение, процедила Белова.

– Бред. У тебя шикарная шевелюра, доставшаяся дуре! – Лариса вытащила из своей сумки заколки. Её руки ловко подняли волосы Яны вверх и красиво их скололи. Чёлку со лба Беловой она убрала совсем. Буквально двумя мазками нанесла тени на веки и помаду на губы Яне. Подала зеркало.

– Смотри.

Яна ахнула, не узнавая себя в симпатичной девушке с красивым, открытым лбом и яркими глазами. Непослушные ранее волосы образовывали очаровательную причёску.

– Спасибо, ты волшебница! – Белова от радости не находила слов.

– Не я волшебница, а ты деревня, – ответила Ледовская в своём духе, не показывая, как приятно похвала какой-то дурнушки из «низшего общества».

В другой раз она подошла к Алехиной Свете:

– Будь добра, сделай чёлку. Такой лоб, как у тебя нужно прятать, а не выставлять наружу. Прическу поменяй, сооруди что-то вроде «Каскада», а то смотреть противно.

На следующий день Света пришла в школу с новой прической, которая изменила её кардинально.

Наблюдая за близняшками Сарычевыми, посоветовала закинуть подальше длинные юбки. Сестры носили их, скрывая кривые, как им казалось, ноги.

– У вас своеобразная форма ног, но мини вам всё равно подойдет. С вашим ростом длинные юбки – ужас. Мне надоело видеть рядом с собой двух уродливых монашек.

Сестер из-за пристрастия к долгополым нарядам с седьмого класса дразнили монашками. Уже через неделю, сначала стесняясь, потом всё смелее Сарычевы поменяли весь гардероб. А спустя полгода, уже никто не помнил их старую кличку. Но если Ледовской казалось, что посягали на её территорию, или она вставала утром не с той ноги, своими насмешками доводила жертву до слёз. Большинство парней просто глупели в её присутствии. Таня ревниво помнила, как глупо выглядел Сашка. Он то выполнял её капризы, то посылал подальше, пытаясь сохранить достоинство. Ему было очень далеко до умения Ларисы интриговать и манипулировать людьми.

Стояла середина ноября. Осень продолжала баловать необычно тёплыми днями. Прозрачный воздух по утрам был напоён лёгким запахом увядающей листвы и переспевшего винограда. Весь субботний день Таня занималась домашними делами. Готовила обед, убирала в доме, гладила белье, освобождая вечер для похода с Лукьяновым в кино. Фильм оказался скучным – едва досидев до середины картины, они ушли из кинотеатра.

Тихо разговаривая, медленно брели по улице. По дороге ездили машины. Громко смеялась гуляющая молодежь. Таня не сразу поняла, что за всхлипывающий звук послышался в кустах возле забора.

– Саш, по-моему, ребенок плачет, – насторожилась она.

– Показалось. Коты орут.

Лукьянов приблизился к подозрительным кустам.

И тут снова раздался сдавленный писк, будто кто-то зажимал себе рот.

Сашка раздвинул ветви. В неярком свете далекого фонаря с трудом разглядел чуждое существо, сидящее в кустах.

– Вот ты где.

– Н-е-е-т! – завизжало существо при попытке вытащить его из кустов.

– Кто это? – Таня пыталась понять, что происходит.

Сашка всмотрелся пристальнее в неожиданную находку.

– Ребенок. По-моему, девочка, очень маленькая.

Стоило ему чуть приблизиться, кроха взывала как сирена.

– Давай я попробую, она тебя боится, – Таня принялась ласково уговаривать малышку вылезти из кустов.

– А ты не злая? Дядя драться не будет? – лепетала девочка, выползая на тротуар.

– Что ты там делала? – удивилась Таня, разглядев грязного босого ребенка в одном лёгком платьице. – Господи, ты замерзла, и вся дрожишь. Почему ты раздетая?

– Я пошла за мамой и заблудилась, – заплакала девочка. – Я не знаю, куда идти.

Саша снял куртку и подал Тане. Она завернула в неё малышку и взяла на руки.

– Мы отнесём тебя домой. Где ты живешь? – поинтересовалась Таня.

– Я не помню, – снова расплакалась кроха.

– Ты знаешь свою фамилию или название улицы? – допытывалась она, держа на руках закутанного ребенка.

– Мне три года. Меня зовут Соня. Маму – Люда, а папа плохой! Он дерётся! Вот смотри. – Она вытянула руку, показывая синяки.

– Нужно отнести её в опорный пункт милиции, там быстрее узнают, чья потеряшка. – Сашка хотел подойти ближе, но малышка сразу запротестовала, оглашая улицу рёвом.

– Сонечка, не надо бояться этого дяди. Он хороший и никогда не обижает маленьких девочек.

Кроха, согрившись под курткой, задремала, положив голову Тане на плечо. Длинные, спутанные, давно немытые волосы, свесились вниз. Ребенок пах бедой и несчастьем. Проходя мимо фонаря, Таня посмотрела на свою ношу, и у неё защемило сердце. Грязное личико Сони запятнали разноцветные синяки.

Сашка осторожно забрал малышку.

– Устала? Давай теперь я понесу. Вдруг она уже не будет возмущаться?

Таня не могла понять выражение его лица. Оно показалось ей каким-то ожесточённым. «Что с ним? Мне тоже её жалко, но он выглядит так...», – она не могла подобрать слов.

Соня завозилась, пытаясь улечься удобнее, и открыла глаза.

– Не пугайся, кнопочка. Я тебя не обижу. Сейчас придём к хорошим дядям, они помогут найти твою маму, – прошептал Сашка.

Такого ласкового голоса Таня ни разу не слышала у Лукьянова. Даже не подозревала, что может так говорить. До опорного пункта милиции он донёс девочку сам.

Дежурный выслушал их и задумался, решая, что предпринять. В этот момент в комнату вошёл участковый. Он оглядел спящего ребенка.

– Знакомая малютка. Значит, её мамаша не вняла предупреждениям. Родителей Сони хотели лишить родительских прав, но пожалели, давая возможность одуматься. Зря получается!

– Колесников, пусть ребята подпишут протокол, – обратился он к дежурному, – и отвезём девочку к непутевой мамаше. Посмотрим что и как. – Повернувшись к школьникам, попросил: – Ребенок спит, не хочется её тревожить. Поедете со мной? Потом я развезу вас по домам.

– Конечно.

Они вышли вслед за участковым на улицу. Сашка поёжился: тонкий свитер почти не согревал.

Милицейский уазик остановился у невзрачного домика. Одно из окон строения тускло светилось.

Участковый открыл входную дверь, пропуская ребят в дом. По узкому коридору они прошли в комнату. В сильно захламлённом помещении, освещённом только грязной лампочкой, почти не было мебели. Посреди комнаты стоял стол с остатками еды, под ним лежало несколько пустых бутылок. На сером от грязи полу валялись вещи, клочки смятых газет и ещё какой-то мусор. На продавленном диване, открыв рот, громко храпел молодой мужчина. Милиционер осмотрел комнату и прошагал дальше. Оглядел две других.

– Ну, и где же мамаша? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Распахнулась входная дверь. В комнату влетела заплаканная молодая женщина. Волосы на голове незнакомки напоминали воронье гнездо. Увидев незваных гостей, она остолбенела.

Участковый с презрением оглядел вошедшую женщину.

– Т-а-а-к, Филиппова, ты, где бродишь?

– Соню искала! Только на минуточку вышла к соседке, а когда вернулась, девочка исчезла.

Она заплакала, громко всхлипывая.

Малышка, завернутая в куртку, проснулась от шума.

– Мапочка! – радостно завопила кроха.

– Соня, солнышко мое! Вы нашли её.

Женщина забрала ребенка, освободив дочь из куртки.

Девочка прижалась к матери и пробормотала:

– Я искала тебя, искала. И заблудилась.

– Ну и что мне с вами делать, гражданка Филиппова? Материнскими обязанностями пренебрегаете. Ребенок ночью остался на улице один. В доме – бардак. – Участковый обвел комнату рукой. – Будем оформлять Соню в детдом.

– Миленький Павел Витальевич, простите, это в последний раз! Глаз с неё не спущу.

Женщина поставила дочку на стул.

– Смотрите ни одного нового синяка, как я и обещала. Больше никто не Соню обидит, – бормотала она, поднимая на девочке платье.

Рядом с Таней вздрогнул Сашка. Послышался звук втягиваемого сквозь сжатые зубы воздуха. Всё тело малышки покрывали фиолетово-жёлтые бледнеющие синяки.

– Ладно, Филиппова, поверю в последний раз, но буду проверять ежедневно. Доверия у меня к тебе нет. И наведи порядок в доме. Ещё раз увижу голодного и грязного ребенка без присмотра, берегись! Никакие твои слезы не помогут – заберём! – Глянул на ребят и добавил: – Идите в машину, отвезу домой.

– Не надо, мы пройдемся пешком.

Лукьянов взял Таню за руку и повёл к выходу.

– Придется куртку стирать. – Сашка, одеваясь, морщился от запаха. – Мне, кажется, мамаша не мыла бедную девочку целый год. Зря участковый ей поверил. Таких родителей не исправить.

– Каждому надо давать шанс, – запротестовала Таня.

– Да что ты говоришь? – издевательски протянул Лукьянов.

Ей стало неуютно от злобных ноток, прозвучавших в его голосе.

– Думаешь, в детском доме будет лучше?

– Не знаю. Извини, увидел синяки на теле малышки, такая ненависть проснулась. Бить беспомощное, зависящее от тебя существо подло.

– Ты как будто знаешь, о чём говоришь? – тихо произнесла Таня.

Сашка заглянул ей в лицо.

– Ещё бы не знать. Тебя били в детстве?

Таня увидела перед собой его глаза, наполненные душевной мукой. Губы кривились в странной, горькой улыбке.

– Если шкодила, могла получить по мягкому месту, – ответила она, понимая, не это он имеет в виду.

– Когда я был маленький, всё не мог угодить отцу. Что бы ни делал, как бы ни старался, он всегда был недоволен. Мог ударить за малейшую провинность. Казалось, раздражая его одним своим существованием. Выговаривал по любому пустяку: не так хожу, не так сижу, ем, разговариваю. Я не мог понять его требований, потому что они всякий раз менялись.

Много раз спрашивал мать: «Почему отец не любит меня?»

Она только отмахивалась: «Он сложный человек, не нужно обращать внимания. Со временем всё образуется».

Но ничего не менялось. Когда он напивался, то становился агрессивным. В такую минуту я старался не попадаться ему на глаза. Я возненавидел папашу. Жутко завидовал своему другу

Сергею. Его отец – замечательный человек. С ними я ездил на рыбалку, возился в гараже с машиной. Именно он научил меня играть на гитаре. Записал в секцию самбо. Когда нужно было что-то купить, я просил мать. Она шла к отцу: семейные деньги водились только у него. Только он решал, заслуживаю ли покупки. Часто выносился вердикт – не заслуживаю. В пьяном виде папаша цеплялся к матери, упрекая во всех грехах. Потом просил прощения. Мать он любил. Даже я, сопляк, это понимал. Меня же не переносил и на дух. Для себя я уяснил: отец неуравновешенный, жестокий человек и больше не пытался заслужить его одобрение.

– Мне очень жаль, – Таня сжала его руку.

– Ничего, это было давно. Отец мог быть ласковым. Мне исполнилось шесть лет, когда родилась сестра Ира. Он даже бросил пить. Приходя с работы, каждый вечер играл с дочерью. Именно тогда я понял: он не любит только меня! Следующие четыре года были самыми спокойными в моей жизни, но нанесли множество мелких ран. Родители всюду ездили втроём. Я оставался один и глядел им вслед. Они были дружной семьей, но без меня.

– Почему они так несправедливо поступали?

Таня представила одинокого мальчика, который смотрит в окно, на уходящих родителей. У неё защемило сердце.

– Однажды я узнал, почему. Но это не оправдывает ни одного взрослого, делающего ребенка заложником своих ошибок. Я вернулся из школы домой и уже с улицы услышал шум, ссору и крики.

– Прости меня, это больше никогда не повторится! – плакала мать.

Я присел на лавочку во дворе. Мне не хотелось заходить в дом. Май месяц, сияло солнце, а для меня день стал пасмурным. В открытые окна я услышал больше, чем хотел.

– Я смог тебя простить в прошлый раз, больше не могу! Ты мне всю душу вынула! Хочешь ещё одного ублюдка мне на шею повесить?! Не выйдет! Что тебе неймется? Чего тебе не хватает. Так хорошо жили, спокойно. Но это не для тебя, правда? Может, ты давно мне изменяешь, а я, лопух, не замечал?!

– Нет, это в первый раз! – жалко оправдывалась мать.

– Тогда ты тоже так говорила! А оказалось, все два года, пока я служил в армии, веселилась. Ещё врала, что Сашка – мой сын! Хоть бы посчитала, сколько месяцев прошло, когда я приезжал в отпуск. Ты что целый год носила ребенка? Ты сама не знаешь, чей ребёнок. Шлюха! Уйди с дороги, видеть тебя не могу! Интересно, если бы я не приперся к тебе на работу и не застал с этим... гадом. Продолжала бы вешать мне на уши лапшу?

– Это было в первый раз! – не уступала она.

– Не доводи до греха. Уйди! Мне только дочь жалко. Но я её не брошу, буду навещать.

Послышались звуки борьбы, мать зарыдала громче. Отец вышел с чемоданом на крыльцо, увидев меня, тоскливо произнёс:

– Я очень любил твою мать, но всякому терпению приходит конец. Сашка... это... прости. Я к тебе плохо относился, напоминал ты мне...

Он вышел за калитку и исчез из моей жизни.

– Он не твой отец... Тебе стало легче? – спросила Таня, понимая его боль.

– Нет. Почему-то мне не стало легче. Я почувствовал себя обманутым, заложником их отношений. Ради так называемой любви он позволил женщине его растоптать. А уж если простил, надо было идти до конца, а не вымещать свои обиды на мне.

– Сколько тебе было лет?

– Десять, а сестре четыре. Кстати, я его почти простил. Через год он снова женился, каждые выходные забирает Ирку к себе. Кое в чём я его понял. Моя мама как подросток, не умеет обращаться с деньгами. Может всё потратить на ерунду. Забывает вовремя забрать сестру из детского сада, в общем, она не собранная. Теперь я в семье кассир. Контролирую

траты и покупки. Пришлось стать им после недельного поста на хлебе и картошке, зато моя мамуля купила себе классное платье.

– Саш, но ты же любишь её? – Тане отчего-то был очень важен ответ.

– Конечно. Но не заблуждаюсь на её счет. Она весёлая, очень добрая, но легкомысленная и не обязательная. Просто она такая.

– Кое-кому не стоит заводить детей. Особенно таким, как родители Сони, – вырвалось у Тани, прежде чем она подумала, что говорит.

Сашка засмеялся:

– Точно, но тогда полмира исчезло бы, и я в том числе.

– Только не это! Без тебя на земле тоскливо и скучно, – воскликнула Таня. – Ой, который час?

Услышав ответ, запаниковала:

– Дома меня ждёт наказание. Я обещала вернуться не позже двенадцати.

Так и получилось. Заплаканная мать встретила её на пороге дома упрёками:

– Как ты могла так задержаться? У тебя совесть есть?

Таня, виновато опустив голову, зябко повела плечами. Холодный ветер продувал лёгкую куртку насквозь.

– Мамочка, я не специально. Сейчас объясню, – она хотела поведать, что произошло.

Но сердитая и расстроенная мать не пожелала слушать. Ушла к себе в спальню.

Таня повесила куртку в прихожей и направилась на кухню. Отец сидел за столом, не зажигая свет. При появлении дочери резко поднялся, и задел головой, низко висящий плафон. Антон Сергеевич чертыхнулся. Таня с трудом сдержала смех, а ведь они не раз просили перевесить плафон повыше, но отец не желал, оправдываясь, что любит читать за чаем и ему нужен яркий свет. Таня коротко объяснила отцу причину своей задержки. Антон Сергеевич возмутился:

– Это не оправдание. Есть телефон, могла бы из участка позвонить. Маме нельзя волноваться, а ты просто забыла о ней, – укорил он.

– А вы должны больше доверять мне, – обиделась Она. Очень хотелось выпить горячего чая, но не желала выслушивать, как ей казалось незаслуженные обвинения в чёрствости.

– Да пойми ты, маме и так тяжело, а тут дочь допоздна гуляет. Мы же переживаем.

Таня фыркнула:

– Пап, ну что может со мной случиться. Лукьянов между прочим самбо занимается, защитит если что.

Антон Сергеевич налил чай и протянул кружку дочери.

– На столе под полотенцем сладкие пирожки, хочешь перекуси. Небось проголодалась? Надеюсь, в дальнейшем будешь думать не только о себе.

Таня обхватила кружку ладонями, согревая их, и с наслаждением вдохнула ароматный напиток. Желудок возмущённо заурчал.

– Пап, обещаю. Просто сегодня так получилось...

– Ладно. Пора спать.

– Что я тебе сейчас расскажу, у меня прекрасные новости. – Женька кинулась обнимать подругу.

Таня аккуратно освободилась из объятий, села на диван.

– Интересно. Слушаю.

Женька забегала по комнате, огибая стол по широкой дуге.

– Леша пригласил меня на свидание. Вот!

Она остановилась у окна и уставилась на Таню, ожидая реакции.

Та покосилась на возбуждённую порозовевшую подругу и улыбнулась:

– Рада за тебя. Ты так долго об этом мечтала.

Женька запустила пальцы в кудри, спутанные ветром, и на манер гребня попыталась их расчесать.

– Но и это ещё не все. В шестнадцать ноль-ноль наши ребята играют в футбол с Восьмой школой. По пути к тебе я встретила Лукьянова. Он просил, если сможешь, прийти на стадион. Леша тоже пригласил меня. Поболеем за наших ребят?

Таня почувствовала, что краснеет и разозлилась: «Ну да. Раньше футбол не интересовал, но мало ли что было раньше».

– Посиди здесь, спрошу у мамы.

Мать нашлась во дворе, сидела на лавочке, под виноградной беседкой, закрыв глаза. Лучи неяркого осеннего солнца скользили по её бледному лицу. Пальцами она разминала листочки мяты, ею пряно и остро пахло в воздухе.

– Опять тошнит? – посочувствовала дочь. – Мам, извини, что заставила волноваться, совершенно забыла о телефоне.

– Тебе куда-то надо идти? – догадалась Анна Ивановна, подняв измученные глаза.

– На стадион. Играют наши ребята. Но если нельзя идти, я останусь, – чуть покривив душой, предложила Таня.

Мать махнула рукой.

– Отправляйся. Не мельтеши перед глазами.

– Мазила!!! – надрывались рядом с девушками болельщики из их школы. Их команда явно проигрывала.

– Молодцы!!! – скандировали приезжие гости. Было чему радоваться: счет 3: 1 в их пользу.

После матча расстроенный Сашка подошел к Тане.

– Ты меня подождёшь, пока переоденусь? Я тебя провожу.

Он стоял перед ней в футболке, мокрой от пота, совсем близко. Таня поймала себя на мысли, что ей нравится запах его кожи. Провела рукой по его щеке.

– Иди быстрее в раздевалку. На улице прохладно, а ты мокрый, ещё простынешь.

Лукьянов наклонил голову и прижал её ладонь к плечу.

Она с детства не переносила, когда к ней прикасались чужие люди. Как ёжик фыркала, топорща невидимые иголки. Позволяла только маме и папе приласкать себя и то редко. Под-ростком с трудом терпела объятия Женьки по любому поводу. Очень не любила, когда собеседник во время разговора стоял ближе, чем ей этого хотелось. Зона комфорта Тани Васильевой находилась на расстоянии вытянутой руки. И вот теперь в этот невидимый внутренний круг попал Лукьянов, и ей это нравилось, правда, немного беспокоило.

Мальчишки вышли из раздевалки, и тут зарядил дождь. Пережидая его, все спрятались под трибуну. Сашка обнял Таню за плечи и, согревая, некрепко прижал к себе. Она почувствовала, как от его дыхания у неё шевелятся волосы на затылке. По коже побежали мурашки. Неизвестно почему, Таню пронзило ощущение надвигающейся разлуки: скоро Сашки не будет рядом.

ГЛАВА 8

На перемене они стояли у окна.

– Почему ты такая грустная? Что-то случилось?

Сашка с волнением взгляделся в её лицо.

«Какие у неё чудесные глаза, как бархатные, – подумал он. В который раз, подавляя острое желание, прижать Таню к себе. – Такая маленькая рядом со мной. Постоянно хочется прикоснуться к ней и защищать от всего мира».

Её немного смущали слишком откровенные взгляды Лукьянова. В школе они позволяли себе только смотреть друг на друга, но и эти невинные переглядывания раздражали учителей. Таня коснулась руки Сашки.

– У меня со вчерашнего вечера душа не на месте. Я знаю, так говорят только старушки. Но ничего не могу с собой поделать.

Лукьянов погладил её пальцы и посмотрел в окно.

Во двор школы въехали зелёные жигули.

– Это за мной, – обречённо сказала Таня, заметив машину. У неё всё похолодело внутри.

– С чего ты взяла? – удивился Сашка и машинально стиснул её руку.

Дверца авто распахнулась, вышел отец Тани и быстрым шагом направился к школе.

Зазвенел звонок на урок.

– Лукьянов, Васильева! Вам что особое приглашение требуется? Звонка не слышали? – Учительница математики с возмущением смотрела на них.

– Мария Федоровна, приехал мой отец. Что-то случилось, – обратилась к ней Таня.

Учительница со странным выражением на лице покосилась на них.

– Ладно, решите свои проблемы, зайдёте в класс.

– Ей показалось – это с нами что-то произошло, – усмехнулся Сашка и протянул руку отцу девушки. – Здравствуйте, Антон Сергеевич.

Отец пожал руку Сашке.

– Здравствуй.

Повернувшись к дочери, добавил:

– Иди в класс, собери портфель. Нужно успеть на поезд. Бабушка умерла.

Таня отправилась в класс.

– Вы надолго уезжаете? – поинтересовался Сашка, оставшись наедине с отцом Тани. Он плохо знал её родителей. Столкнулся с ними только несколько раз, приходя домой к Васильевым. Анна Ивановна показалась ему несколько нервной и истеричной, но мало ли как беременность влияет на женщин. А вот к Антону Сергеевичу Сашка испытывал уважение. Ему понравился уютный дом, который возвёл отец Тани для своей семьи, нравилась добротность и красота ухоженного подворья. Было заметно с какой любовью мужчина обустроил быт жены и дочери. У них в семье этого не наблюдалось. Побывав в гостях у Васильевых, он по-другому взглянул на свою квартиру. Материн стиль ведения дома иначе как безалаберным не назовёшь. На окнах дорогие шторы и занавеси, а диван застелен протёртым до дыр пледом. На кухне красивая посуда с золотыми ободками соседствует с эмалированными кружками с отбитыми краями и давно не чищеными кастрюлями. В спальне рядом с современной деревянной кроватью стоит древнее трюмо с зеркалом, помутневшим от времени. И так во всём. Сашка пытался навести порядок, но ровно через два дня квартира приобретала прежний вид. На стульях снова висели платья и кофточки матери, везде валялась косметика, раскрытые книги, журналы и обрывки салфеток заполонили стол и тумбочки. На кухне возвышались горы невы-

той посуды, но при этом пол блестел, роскошные комнатные цветы хвастались чистыми глянцевыми листочками.

Антон Сергеевич рассеянно выслушал вопрос Сашки и помедлил с ответом.

– Не знаю, как получится... У меня работа, взял несколько дней за свой счет. Я подожду в машине. Пусть Таня не задерживается. – И торопливой походкой направился на улицу.

– А папа где? – удивилась Таня, выходя из класса.

– Он у тебя чуткий, дал нам возможность попрощаться. – Сашка обнял её и нежно поцеловал. – Я буду скучать. Сильно. Возвращайся быстрее!

Она поднялась на цыпочки и впервые сама поцеловала его.

– Я тоже буду скучать.

Сашка смотрел в окно на Таню, идущую к машине – сердце щемило, в горле никак не проглатывался странный ком.

– Как мама? – волновалась Таня.

– А что говорить?

Сосед, сидящий за рулем, покосился на молчаливого Антона Сергеевича.

– Скорая помощь утром приезжала. Врач укол сделала, успокоительное дала. Плачет как малое дитя...

– Причем тут дитя. Невроз у нее. Сама в положении, а тут такое... – Отец махнул рукой. Отвернулся к окну, скрывая слезы, блеснувшие на глазах.

– Вот и подумать должна, – не унимался сосед. – Ребенка жалеть надо, матери уже не сможешь.

– Ладно, Алексеевич, к чему эти разговоры, – оборвал его Антон Сергеевич.

– К тому, что ты мужчина. Должен помочь ей взять себя в руки. Ради малыша, – возмутился сосед.

Таня искоса глянула на отца. Всегда собранный и сильный, сейчас он выглядел растерянным. Ощущая тяжесть на душе от предчувствия разлуки, она вдохнула запах бензина, которым пропахли старенькие «Жигули» и вывела пальцем на пыльном стекле слово «Саша».

ГЛАВА 9

Проносились за окном станции и полустанки. Поезд мчал их навстречу горю. Таня глядела в окно, ещё переживая торопливые сборы в дорогу. Они так и не уговорили мать остаться дома. Как ни горячились, как ни доказывали, что ей тяжело будет перенести дорогу. Она не слушала и твердила одно:

– Я должна увидеть маму. Должна проводить её. Ей всего пятьдесят восемь лет. Почему она так рано умерла? Почему?

Таню пугали её воспалённые, чужие глаза. Мать почти не замечала родных, вся ушла в своё горе. О чём-то напряженно думала, чуть покачиваясь, как от зубной боли. Слезы катились по щекам. Смахивала их платочком, не замечая, что плачет. Иногда тихо говорила:

– Боже мой, я шесть лет не видела родителей. И вот теперь увижу. Антон, ну почему мы так редко ездили к ним? Теперь, всё, всё, что хочешь, сделала бы, да некому. Куда мне теперь от вины своей деться? И ничего не исправишь, хоть умри, не исправишь!

– Анечка, хватит. Тебе вредно. Подумай о малыше, не надо так.

Антон Сергеевич гладил её по плечам, голове, пытаясь успокоить. Он понимал, должно пройти время, оно залечит рану. Пока боль свежа и горяча, это сложно.

Его родители были живы и крепки здоровьем. Ему было жалко умершую тещу, но он понимал: его жалость ни в какое сравнение не идет с болью и горем жены. Они редко ездили в гости к родителям Анны, потому что те жили далеко, на Украине. Летом трудно было с билетами. Зимой к селу, находящемуся глубоко в лесу, трудно добраться. Подарки, посылки не забывали отправлять, но родителям не это надо. Все-таки виноваты перед ними. В суматохе дней и будней откладывали поездку к родителям. И вот теперь едут.

– Ты помнишь бабушку, дочка? – Отец дотронулся до руки Тани, привлекая внимание.

Она задумалась, воскрешая в памяти образы прошлого.

– Плохо. Я видела её всего два раза и то давно. Сад помню, родник под деревьями. Бабушкин грибной борщ.

– Да. Готовила она очень вкусно... – Антон Сергеевич замолчал, погрузившись в думы.

Таня снова отвернулась к окну. За стеклом мелькали чахлые деревья, растущие в болотистой местности. Безрадостная картина словно подчёркивала её гнетущее состояние.

«Я чёрствый и бессердечный человек. Разлуку с Сашкой переживаю острее, чем смерть бабушки. Жалею мать и почти ничего не чувствую к едва знакомому человеку», – мучила её совесть.

Когда отец привез Таню из школы, стали торопливо собираться в дорогу. Поезд отправлялся через три часа. В этой карусели некогда было подумать, что она уезжает от Лукьянова. Теперь, сидя у вагонного окна, вдруг поняла, что не скоро его увидит. Уезжает на вечность, бесконечную вечность. Предчувствие долгой разлуки охватило всё её существо, заставляя сердце сжаться от тоски.

«Что за чушь! Мы скоро вернёмся», – злилась на себя Таня. Было стыдно и досадно за свои чувства перед материнским горем.

Поезд остановился на крохотной станции. Отец помог им спуститься. Принял у дочери сумки и венки. На утренний шестичасовой рейс опоздали, а следующий автобус отправится в Степановку только через три часа.

– Что будем делать? – Антон Сергеевич посмотрел на жену.

Она казалась спокойной, сосредоточенной, только очень бледной. Опухшие глаза выдавали бессонную ночь.

– По кольцевой дороге – двадцать километров, а через лес всего три. Пойдём пешком.

Он растерянно оглядел вещи: «Смогу ли пронести их целых три километра?» Повернулся к жене.

– А дорогу ты помнишь? Я совсем не знаю куда идти.

– Помню.

Анна Ивановна застегнула пальто и, переступая через рельсы, направилась в сторону леса.

В поезде выспаться не удалось – Таня шла за отцом сонная, не разбирая дороги. Несколько раз споткнулась о коряги на узкой лесной тропе, чуть не уронила венки.

«Нам сильно повезло, что осень такая. Двадцатое ноября, а снега нет – это редкость», – порадовалась она теплу и немного приободрилась.

Таня рассматривала деревья, стоящие в золотом убранстве. Листва рябины полыхала огнём, дуб застенчиво шелестел коричневой листвой. Только ясень молодец приготовился к зиме, стоит голый, стыдливо шевеля ветками. Прямо возле тропинки Таня заметила семейку опят, чуть поодаль красовался белый гриб, рядом с ним замер ежик. Он смотрел на девушку, поблескивая бусинками глаз. Таня улыбнулась ежу и перехватила венки удобнее, они оказались не такими уж лёгкими, через полчаса пути руки затекли и онемели.

«Бедный папа, у него вообще тяжёлый чемодан», – подумала Таня.

Она видела: отцу нелегко.

Степановка открылась неожиданно. Перешли по мосту через реку и у самой воды среди берез увидели первую хату. В просвете между деревьев виднелась ещё одна. Дальше село не просматривалось.

– Это Степановка? – Тане не верилось, что бывают такие поселения посреди леса. – Оказывается, я ничего не помню.

Мать, заметно волнуясь, ускорила шаг.

– Сейчас выйдем из рощицы. Не все дома стоят вразброд, есть и более ровные улицы.

Но улицы как таковой Таня не заметила. Среди деревянных домов петляла песчаная дорога. Она обнаружила что, глядя на них, перешептываются старушки, сидящие на лавочках. Мать здоровалась с каждой. Они отвечали ей, слегка кланяясь. Дом бабушки, большой, деревянный, стоял на горке. Стены, сложенные из бревен, почернели от времени. В отличие от стен крыша выглядела новой. Светлый шифер немного украшал старый дом. На сверкающем алюминиевом коньке весело крутился флюгер. Плетень начинался метрах в трёх от дороги, ограживая участок, поднимался всё выше и выше. Длинный, узкий двор зарос маленькой кучерявой травой – спорышом. Справа от двора раскинулся сад, спускавшийся с горки к дороге. Они зашли в открытую настежь калитку и по тропинке направились к дому. Таня поставила венки возле бревенчатой стены. Сердце замирало от волнения. Вслед за матерью она вошла в комнату. От окна со стула поднялся высокий, крепкий, седой мужчина, которого сложно было назвать дедом. Он обнял мать.

– Вот и свиделись, дочка...

Анна Ивановна, не отвечая отцу, подошла к гробу. И вдруг закричала резким, сильным голосом так, что Таню прошил озноб. Старухи, сидящие возле гроба, заголосили, поднося к глазам кончики белых платков. Мать опустила на колени, положила голову на край гроба и, вздрагивая всем телом, зашлась в горьком крике-плаче. Антон Сергеевич растерянный, побледневший, стоял на пороге и не знал, что ему делать. Крик жены разрывал ему душу. Он вытащил сигареты и, сгорбившись, вышел из дому. Таня проводила отца отчаянным взглядом. Ей стало жутко, страшно и невыносимо жалко мать. Все плакали, и у неё слезы градом показались из глаз. Она не могла удержать их и только смахивала рукой, растирая по всему лицу. Таня не узнавала бабушку. Какая-то пожилая женщина лежала в гробу, усыпанном искусственными цветами. Вся обстановка комнаты вызывала у неё страх и желание поскорее покинуть это место. Ей исполнилось восемь лет, когда она приезжала с родителями в Степановку последний

раз. Все последующие годы отдыхала или в летнем лагере, или у родителей отца, которые жили недалеко от их поселка. Таня плохо помнила эту бабушку, поэтому чувствовала вину перед ней. Мать уже не кричала, только странно стонала. От этих звуков Таня очнулась. Кинулась к ней, подняла от гроба. Взглянула в мокрое лицо, в глаза с остановившимся тусклым взглядом. Плача, затормошила ее.

– Ей плохо. Нужен врач. Папа! Папа! Скорее! Помогите же! Мамочка, мама.

Анну Ивановну уложили в соседней комнате. Прибежавшая медсестра сделала укол, заставила выпить успокоительное.

Таня наблюдала в окно, как врач разговаривала с отцом. Женщина кричала на него, размахивая руками.

До обеда Таня просидела возле матери, боясь оставить её одну. От недосыпания и голода к горлу подступила тошнота. Отец, уставший и озабоченный, несколько раз проходил мимо, неся какие-то ящики, коробки. Чужие люди о чём-то говорили с ним.

В два часа дня к ним в комнату вошла медсестра.

– Буди маму, дивчинка, пойдете ко мне домой, покушаете.

Ее голос звучал напевно и ласково.

Тане не хотелось никуда идти.

– Что вы, мы всё с собой привезли.

– Нужно поесть горячего, особенно твоей маме. Буди, буди, – настаивала она. – Меня зовут тетя Галя. Я ваша соседка.

Таня с большим трудом разбудила мать. Услышав о еде, та попыталась отказаться. Тетя Галя твёрдо и настойчиво увела её и буквально силой заставила поесть. После сытного обеда Анна Ивановна снова уснула, а Таня вышла в сад.

– Ты внучка деда Ивана?

Над оградой показалась девушка примерно её возраста. Невысокая, но крепкая, как гриб боровик. На круглом румянном чёрные глаза незнакомки лице горели любопытством.

– Да. А вы наша соседка? – из вежливости поинтересовалась Таня, не испытывая никакого желания общаться.

– Слушай, давай проще. Не на «вы», а то мне кажется, что нас много. Я Олеся, дочка Галины. – Она легко перелезла через забор. – Ночевать вы будете у нас: ваша хата выстужена.

– Спасибо. Мы причиняем вам неудобства.

«С чего это я заговорила казенным языком?» – вздохнула Таня и горько усмехнулась.

– Извини, что-то я не в себе.

Соседка неловко потопталась на месте и пробормотала:

– Понимаю. Пойдём, я побуду с тобой, возле бабушки.

Таня была очень благодарна новой знакомой за компанию. Они расположились чуть в стороне от гроба. Олеся тихо сидела рядом, изредка рассказывая что-нибудь о бабушке, будто знакомила её с ней.

Около полуночи тетя Галя позвала девочек:

– Идите спать. Завтра трудный день. Анну я уже отвела к нам.

Таня осторожно протиснулась вдоль стены, стараясь не смотреть на гроб. На улице наконец смогла вдохнуть полной грудью. В комнате от запаха горящих свечей у неё разболелась голова. На автомате добрела к дому соседей. Олеся отвела её в свою комнату, помогла расстелить постель. Тане казалось, заснуть не сможет, но не успела голова коснуться подушки, как она уже спала.

Проснулась поздно, оказалось в комнате она одна. Хозяева уже успели прибрать кровати, и сделали это так тихо, что не потревожили её. На столе стоял завтрак. Таня ела, разглядывая красивые, вышитые льняные шторы, скатерти, покрывала и занавеси. Комната получилась

удивительно светлой и нарядной. На кроватях, как в старину, возвышались горы подушек. На некрашеном бело-желтом полу лежали коврики, связанные вручную.

«Сколько же надо трудиться, чтобы всё это вышить и связать», – удивилась она.

За окном слышались шаги. Тетя Галя открыла дверь в комнату:

– Проснулась? Ну и хорошо, а я будить пришла. Пойдем. Бабушку уже на улицу вынесли, скоро на кладбище повезут.

Машина медленно ехала по песчаной дороге. День выдался ясный, солнечный, и от этого смерть казалась дикой нелепостью. Впереди похоронной процессии шли старушки с венками. За машиной, тихо переговариваясь, двигались провожающие. Родственники сидели возле гроба. Анна Ивановна плакала, и всё время поправляла накидку и цветы. Ей казалось, что они неправильно разложены. Таня сидела хмурая, стараясь не глядеть на покойницу. Она ощущала целую гамму чувств: боязни, жалости и брезгливости.

Таня уже в который раз корила себя: «Я плохой, бесчувственный человек. Почему моя душа не отзывается по-настоящему на боль мамы? Неприятно такое о себе узнать. Вот какая я на самом деле».

Сокрушалась, но притворяться не могла.

На кладбище гроб поставили на табуретки. С бабушкой попрощались знакомые и соседи. Подошли родные. Дед наклонился и поцеловал покойницу в лоб. Он был странно сосредоточен, словно находился в полусне или оцепенении, потом отошел в сторону, не отрывая взгляда от лица жены. Мать казалась спокойной. Таня облегченно выдохнула: опасалась, что с матерью может случиться истерика. Она стояла молча, потом вдруг повалилась на бок, теряя сознание. Антон Сергеевич поднял жену и понес в машину. Тетя Галя осмотрела ее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.